

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

ВАТАГА

СЮЗЕРЕН

Ватага

Андрей Посняков

Сюзерен

«ЭКСМО»

2013

Посняков А. А.

Сюзерен / А. А. Посняков — «Эксмо», 2013 — (Ватага)

Наш современник Егор Вожников, оказавшийся в XV веке, не только встал во главе русских земель, но и подчинил себе почти всю Европу. Остались лишь государства за Пиренеями – Кастилия, Леон и Арагон, но покорить их великому князю Егору – он же Георг Ливонский, император Священной Римской империи, а ныне патрон и сюзерен английского и французского королей – не составит большого труда. Однако опасность пришла откуда не ждали. Правитель Гранады эмир Юсуф ибн Юсуф мечтает возродить былую мощь Халифата. Он задумал использовать в своих целях самую почитаемую в Испании святыню – статую Черной Мадонны, хранившуюся в монастыре на горе Монтсеррат...

© Посняков А. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава I	5
Глава II	16
Глава III	27
Глава IV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Посняков

Сюзерен

Глава I

Жирона

Колонна всадников в несколько «знамен» во главе со своими рыцарями, целый полк, выскочив из-за холма, не снижая скорости помчалась в долину вдоль бурной реки с коричневатогрязными водами, напоминавшими клочущую лаву. И столь же неудержимой лавой неслись всадники, поднявшийся ветер трепал их желто-красные стяги, а солнце блестело расплавленным золотом на доспехах и шлемах.

– Хэй, хэй! – на скаку обернувшись, махнул закованной в сталь рукой молодой рыцарь в черном панцире поверх сверкающе-серебристой кольчуги.

Поднятое забрало его украшенного пышным плюмажем шлема не скрывало молодого, не лишённого приятности лица с тщательно выбритым подбородком; синие, с поволокой, глаза пылали азартом. Как видно, парню нравилось нестись вот так, на врагов, во главе верного войска.

– Хэй! Хэй! – снова послышался клич. – С нами Святой Яго и Святая Дева!

Гулко гремели копыта коней, грозно щетинились копыя. Развевались на ветру разноцветные плащи и украшенные гербами попоны. Еще с утра поливал дождь, а вот сейчас, к полудню, дождевые тучи унеслись куда-то далеко-далеко, растаяли над синим маревом гор, словно само небо помогало столь славным воинам. Просто не могло не помочь!

– Быстрей, быстрей! – подбадривал других скачущий впереди юноша.

На небольшом, украшенном золотыми и серебряными гвоздиками щите его гордо алели четыре полосы, четыре столба на золотом фоне – старинный герб Арагона, а над ними сверкала корона.

Река, грязный поток которой был бурным лишь сейчас, весной, ниже по течению делала излучину, и кое-кто из всадников, увлекшись скачкой, едва не свалился в воду, что, наверное, в другой ситуации вызвало бы насмешки... однако не теперь. Впереди, сразу за излучиной, в зеленой узкой долине показались повозки, вяло бредущая пехота и немногочисленные всадники. Над повозками реяли два знамени – синее, с золотыми лилиями короля Франции Карла, и желтое, с черным двуглавым орлом.

– Имперцы! – Замедлив бег коня, молодой человек с гербом Арагона прикусил губу и обернулся: – Хоакин, ты же говорил, здесь будут только французы?

– Французы и наемники из германских земель, ваше величество.

Ехавший чуть позади рыцарь в панцире с золоченым львом, вставшим на задние лапы, почтительно потупил взор и тут же спросил:

– Прикажете начинать бой?

Араговец вскинул голову:

– Конечно же, прикажу! Сам Бог дает врагов в наши руки. Чего еще ждать-то?

– Вы абсолютно правы, мой государь!

Церемонно поклонясь, Хоакин подозвал сигнальщиков:

– Трубите атаку! Сам государь поведет нас в битву!

– Слава Арагону!

– Слава Кастилии!

– Да здравствует славный король Альфонсо!

* * *

Дернулись желто-красные знамена – с арагонскими столбами-линиями, с кастильскими замками, с крепколапым львом Леона. Затрубили трубы. Гулко зарокотали барабаны. С лязгом упали забрала, разом опустились на упоры копья.

Альфонсо показал рукой – вперед!

Вся кавалькада, набирая скорость, помчалась в долину, громить жалких, суетящихся понапрасну врагов.

Разбить, разгромить немедленно, наголову этих французских и немецких разгильдяев, явившихся на помощь проклятому инсургенту Жуану Португальскому, старому черту, которого давно следовало поставить на место, отобрав у него все владения, отомстив за страшное поражение при Алжубаротте, где кастильцы потеряли всю свою кавалерию, весь цвет.

Кастильцы бы и мстили, правда, их королю Хуану всего-то одиннадцать лет, а потому уж он никак не мог вести сейчас союзное войско... Впрочем, даже не войско – просто передовой отряд, но какой! Одни рыцарские имена чего стоили: Алонсо дель Фарнава, Мигель де Песета-и-Мендес, Хоакин Бесстрашный, Карлос Родригес де Калатрава! Вести таких людей в бой – великая честь для юного арагонского короля, давно помолвленного со своей кузиной, принцессой Марией Кастильской. Ну и что, что кузина. И что не очень красивая. Так почтеннейшие родители решили – Кастилия и Арагон должны быть вместе. А теперь – о Святая Дева, как хорошо складывалось! – получалось, что король Альфонсо отомстит за своих кастильских родичей. Правда, пока еще не старому португальскому черту Жуану, а лишь его союзникам – оставшимся без дела после окончания войны с Англией французским дворянам и немецкому отребью – наемникам.

Правда, тогда, чуть больше тридцати лет назад, французы помогали кастильцам, португальцы же позвали англичан – сам знаменитый Эдуард Черный Принц помогал Педро Жестокому... не просто так, конечно же, помогал – за деньги, за земли. Пятьсот тысяч флоринов обещал Педро Жестокий Эдуарду! Пятьсот тысяч! Обещал... но не дал, а, наоборот, сам занял. Зато король Наварры Карл Злой обогатился тогда неплохо – деньги с обеих сторон взял: у англичан – чтоб открыть перевалы, у французов – чтоб не открывать. Хитро! Но... не очень-то благородно как-то. Впрочем, это дело давнее.

Пятьсот тысяч флоринов! Альфонсо аж глаза на секунду закрыл, силясь представить себе столь гигантскую сумму. Это ж какая гора золота получается! А если серебром, то... то еще больше!

Такие бы деньги ему, Альфонсо, не помешали – Арагон, увы, край небогатый. Лишь Каталония, Барселона – это да! Он же, кроме того, что арагонский король, еще и граф барселонский – а с этой стороны денежки капаят регулярно, в Каталонии, слава Иисусу, много богатых дворян и купцов – рикос омбрес.

О Святая Дева Монтсерратская!

Молодой арагонский король мысленно перекрестился, устыдившись своих меркантильных мыслей – не о золоте надобно сейчас думать, а о воинской славе, которая, несомненно, придет к нему после этой битвы!

Несомненно. Придет.

У врагов мало рыцарей, все больше пехотный сброд, а пешее войско не устоит перед таранным ударом. Еще и повозки эти дурацкие... Молодцы, разведка, не подкачали! Сообщили вовремя о просчетах врага.

Кастильские и арагонские рыцари ворвались в долину «свиньей», клином, тут же распавшимся на шеренги для решающей конной атаки. У французов с немцами просто не было

никаких шансов. Сколько у них рыцарей? Пожалуй, около полусотни. Всего-то! В три раза меньше, чем у Альфонсо.

Воспитанный в рыцарских традициях, юный король пехоту за серьезного противника не принимал – ни к чему это. Таранного удара еще ни одна пешая шеренга не выдерживала, тем более здесь – на равнине, когда боевые кони уже разогнались, как дьяволы, их не удержишь, нет...

И пусть суетятся враги, пусть ставят кругом свои убогие и смешные телеги... довольно проворно они это делают, кстати. Ничего!!!

Бабах!!!

Что-то громыхнуло, и повозки врагов вмиг окутались белым дымом... что-то засвистело... ударило многих рыцарей в грудь...

И снова – раз за разом – бабах! Бабах! Бабах!

Бабах!

Вылетел из седла славный Алонсо дель Фарнава...

Бабах!!

Мигель де Песета-и-Мендес убрался черт-те куда вместе со своим конем!

– У них пушки!!! – подняв забрало, закричал Хоакин Бесстрашный...

Бабах!!!

Король Альфонсо в ужасе скосил глаза – гордый кабальеро Карлос Родригес де Калатрава скакал на коне без головы! А паж? Верный паж, дон Эстебан де Сикейрос-и-Розандо, совсем еще юный? Слава Святой Деве – жив. Пока еще жив.

Пушки... Забавные такие штуковины – многие славные кабальеро держали по одной-две в своих замках – устраивать салюты.

Но чтоб вот так!!!

Прогремело – и половину войска словно корова языком слизнула! Но... это же подло! Так же нельзя воевать!

Бабах! Бабах! Бабах!

Адский грохот. Свист. Кровь во все стороны. Оторванные конечности. Летящие в воздухе кишки. Боже, что за мясорубка! И это еще до прямого столкновения с врагом!

Скорее, скорее вперед!

Те, кому повезло доскакать до повозок, в изумлении взвили коней на дыбы: в клубах плотного порохового дыма перед рыцарями оказался город! Непрístupная крепость, устроенная из сцепленных кругом повозок, в каждой из которых сидели копейщики и стрелки. Арбалеты, луки... Длинные английские луки. Дюжие молодцы в зеленых капюшонах с алым крестом Святого Георгия на груди. Английские лучники! Они тоже здесь, оказывается?!

Бабах!!!

И еще – пушки... И большие... и маленькие...

– Государь, мы погибнем здесь все!

Славный Хоакин был сейчас страшен: с окровавленной головой – шлем сорвало вражьей картечью, с заплывшим правым глазом и перебитой, повисшей плетью рукой.

Несмотря на свою молодость – двадцать два года, – Альфонсо все же не был упертым дураком и в опасных ситуациях соображал быстро, без всякой оглядки на рыцарскую честь и доблесть.

Вот и сейчас долго не думал, распорядился тут же:

– Уходим малыми группами! Дон Эстебан, велите трубить отступление.

Вновь запели трубы, только уже не задиристо и победно, а как-то уныло. Взвились к небу вымпелы, созывая тех, кто еще оставался в живых. Стальная лава кастильских и арагонских рыцарей подалась назад, словно гигантский спрут, ужаснейший кракен, втянул свои щупальца.

* * *

– Уходят, княже! – оторвавшись от своего орудия с раскаленным стволом, обернулся пушкарь с закопченным лицом и пропахшей дымом бородкой.

– Прикажете нагнать и добить их, сир? – Сей вопрос исходил от высокого рыцаря в синем бархатном панцире поверх стальных пластин – бригадине.

– Мои лучники готовы, сэр! – горделиво расправил плечи коренастый англичанин со светло-русой бородкой. – Сейчас сядем на коней и...

– Нет! – Молодой человек лет тридцати, стройный и сильный, сняв шлем, тряхнул густой шевелюрой.

Светлые латы его покрылись пороховой пылью, рука в стальной перчатке легла на эфес меча.

– Нет!

– Но... почему нет, сир? – почтительно спросил высокий рыцарь. – Мы что же, отпустим их?

– Именно так, славный Ла Гир! – Молодой человек улыбнулся, но серо-стальные глаза его оставались вполне серьезными и выражали непреклонную волю, волю повелителя!

Даже не знавший страха доблестный шевалье Этьен де Виньольт по прозвищу Ла Гир и тот потупился от такого взгляда.

А вот англичанин кивнул:

– Понимаю вас, сэр Джордж. Не нужно делать лишних мерзостей. Не хватало нам еще убить арагонского короля! Вот взять в плен – совсем другое дело. Думаю, выкуп за него был бы знатным.

– Вы-ыкуп! – презрительно скривился Этьен де Виньольт.

Славный Ла Гир в плен ради выкупа никого не брал, потому как страстью к пьянству и мотовству (как некоторые) отнюдь не страдал и в деньгах не нуждался.

– А пленять его еще рано. – Смешно коверкая французскую речь, молодой человек снова улыбнулся и тут же распорядился похоронить мертвых и оказать помощь раненым.

– Просто они еще не почувствовали всю нашу силу, – помолчав, пояснил «сэр» Джордж по-русски, обращаясь к пушкарю... даже к двум пушкарям: русскому мастеру Амосу из Новгорода и татарину – точнее, болгарину – Биляру Таис-мирзе.

Биляр хоть и был знатного рода, однако с детства проникся неудержимой страстью к артиллерии: к пушкам, гаковницам, ручницам и вообще ко всему тому, что взрывается и стреляет – в этом и нашел свою судьбу. И обрел надежного друга из тех, что неразлейвода – новгородца Амоса.

И ведь буквально во всем эти люди разнились: Амос – кривобокий, сухонький, чернявый, с черными, глубоко посаженными глазами, а Биляр – белокурый сероглазый красавец, сложенный, как какой-нибудь древний греческий бог; Амос – хохотун и рассказчик, Биляр же больше любил слушать, нежели говорить; Амос – чуть ли не из смердов, а Биляр – знатен. Да, наконец, и по вере они разнились – православный Амос и правоверный мусульманин Биляр. Разнились... а вот – дружили. И князь Егор-Георгий – он же «сир», «сэр Джордж»... он же – Георг Ливонский – император Священной Римской империи, а ныне – патрон и сюзерен английского и французского королей – любил общаться с обоими. Ведь свои, русские люди. Пусть Биляр и болгарин, так тут, в чужедальней сторонushке, и болгарин за земляка сойдет. Все ж по-русски говорит тоже... хотя этот не говорит, этот молчит больше.

Вот и князь Егор тоже замолчал, глядя, как воины дружно копают братскую могилу – а как же! Погрести нужно всех, не язычники же.

Молчал Егор, думал: как быть дальше? Устроить ли ночью отдых или все же, пользуясь разведанными дорожками, двинуться на Жирону да оказаться там утром – внезапно? Взять Жирону на копье... точнее – на ядра, а затем... затем – куда? Идти на Сарагосу – столицу – или все ж повернуть к богатой Барселоне? И так и эдак неплохо... Да Барселона, наверное, лучше: город портовый, богатый – главный кошелек Арагона, куда там Сарагосе-то! В Барселоне и торговля, и сукновальные мельницы, и мануфактуры... А короля Альфонсо унижать нечего – куда лучше его с кастильцами рассорить, хоть там все его родственники... так ведь нет ничего хуже, чем между родичами ссора.

Егор – Георгий Заозерский – великий князь Руси, Ливонский курфюрст, император, верховный сюзерен французского королевства и лорд-протектор Англии вовсе не прочь был прибрать к рукам последний крупный европейский анклав – Португалию, Кастилию и Арагон, – король Наварры Карл и так уже давно присягнул на верность. А Жуан Португальский очень вовремя попросил помощи. Вот князь Егор и отправился в поход лично – как и должен был поступить любой король, если он, конечно, рыцарь, а не набитое пылью чучело. Не возглавил бы войско – не понял бы Георгия никто, такие уж были времена – Средневековье, где понятие «честь» значило очень и очень многое. А потому многое приходилось делать самому, не полагаясь на многочисленных помощников и вассалов, вот и сейчас сунулся Егор в самое пекло, невзирая на многократное превосходство врагов. С одной стороны, безрассудство, а с другой – именно так и должен поступать истинный король-рыцарь, и уж тем более – император!

Императорский титул нужно было подтвердить, показать всем королишкам и прочей герцогской да графской мелочи, кто есть кто! И в первую очередь то, что он, князь Егор, не только правитель какой-то там далекой Руси, но и европейский властелин, для которого дела Европы – отнюдь не пустой звук... как и рыцарская честь, и отвага. Письмо Жуана о помощи – удобнейший повод, вот и не вернулся домой князь, лишь письма длинные супруге любимой слал – княгине Еленушке, да спрашивал, как здоровье детишек. Старшенькому-то, Мише, уже четвертый годок шел, парнишка здоровым рос, умненьким, родителей радовал.

Ах, Еленка, Еленка, молодая краса-дева – златовласка с глазами, как васильки на пшеничном поле. Стройна княгинюшка, длиннонога, грудь небольшая, упругая, губки бантиком, на щечках – когда смеется – ямочки... впрочем, не только на щечках... Краса, краса – глаз не оторвешь, к тому ж и умна, начитанна, и – никуда не денешься – властна. Это и хорошо – всех бояр железной рукой держит, а с Симеоном – бывшим новгородским владыкой, а ныне митрополитом Всея Руси – задружились накрепко, вместе в отсутствие князя и правят.

Мысленно представив жену, князь прикрыл глаза. Да-а, хорошо бы домой поскорее... да дела государственные не пускают. Коль уж случилась такая оказия, что Испанию под себя поднять можно, – так чего ж медлить-то? Вот и оказался великий князь сейчас, в конце марта 1416 года, в северной части Каталонии, недалеко от Пиренейских гор, близ славного города Жирона. побыстрее тут все сделать, потом оставить вместо себя людей верных – того же Ла Гира или Джона Осборна, рыцаря и английских лучников капитана...

К этому времени воинские дела, как и дела политические, что в те времена различались мало, складывались для Егора весьма благоприятно. Покорению Франции немало способствовала рыжая бестия Изабелла, бретонка, рыцарь Ордена Сантьяго – туда и женщин брали – герцогиня... Ах, Изабо!!! Папа римский Мартин, во многом зависящий от молодого императора, назначил последнего чем-то вроде опекуна Франции на время безумия ее монарха – по сути, бессрочно.

В Англии же сильно помог шотландский герцог Олбани и валлийское дворянство, которое Вожников умело переманил на свою сторону. Впрочем, сие касалось не только валлийцев – несчастного короля Генриха бросило все его войско, и где теперь обретался бывший английский властелин – бог весть.

* * *

– Княже, велишь всех одинаково отпевать?

– Одинаково, а как же! – Отрываясь от своих мыслей, Егор посмотрел на подошедшего Биляра – не только артиллерией сей татарский мирза заправлял, но и советчиком был первым. – Они ж католики все. Отца Жан-Пьера вели позвать.

– Позвали уже, – спокойно кивнул болгарин. – Уже молитвы читает. Я тоже помолился за всех: за тех и за этих. А сейчас спросить хочу, князь.

– Спроси, – внимательно оглядывая округу, разрешил Егор. – Чего хотел-то?

– Про Хирону... Или Жирону, сей град по-разному тут прозывают. – Биляр покусал тонкие усики, они у него почему-то росли черные, хотя сам-то парень (двадцать пять лет всего) – блондин яркий. – Вражины наши пушки уже увидели...

– Увидели?! – усмехнулся князь. – Мягко сказано. Ну, продолжай, продолжай, ладно.

– Увидели и, если не полные дураки, в Жироне могут и подготовиться. Разрушить мосты, дороги перервать, камнями засыпать. Говорят, летом тут реки все высыхают, по руслам как под дорогам ездят, а сейчас... сейчас дорог мало, князь. Зачем нам лишние трудности?

Егор усмехнулся:

– Ночью предлагаешь идти?

– Так. Ночью. Дорогу знаем, выйдем вперед людей.

Махнув рукой, князь посмотрел на синеющие вдали горы:

– Я с тобой согласен. Пушки для нас куда – главное. И спесь с рыцарей сбить, и крепости-города порушить.

По указанию Егора еще во время французского похода вся многочисленная имперско-русская артиллерия была поставлена на колесные лафеты, в кои по возможности запрягались не медлительные волы да мулы, а лошади. Легкие пушки да гаковницы – о двух колесах, бомбарды да мортиры – о четырех. Ну а всякую огнестрельную мелочь – кулеврины, фальконеты, ручницы (последние здесь аркебузами называли) – ту в телегах везли, вместе с запасами пороха. Телеги особые были – знаменитые гуситские вагенбургги, в случае нужды быстренько в неприступные крепости превращавшиеся... вот как сейчас.

Поговорив с Биляром (и услышав в его скупых словах выражение собственных мыслей), Егор подозвал вестовых и приказал собрать к вечеру у своего фургона всех капитанов, коих, не считая артиллерийских, в войске насчитывалось пятеро: командир французской кавалерии шевалье Ла Гир, англичанин Джон Осборн (лучники), герр Ганс фон Шельзе – аугсбургская наемная пехота, герр Иоахим Вексберг – стрелки из Базеля и синьор Джакомо Фьорентини – генуэзские арбалетчики. Разведка и русская дружина подчинялись лично князю.

Поставив перед своими помощниками задачу, князь с наступлением темноты поднял всех воинов, выстроив в длинную колонну возы и пехоту. Впереди, указывая путь факелами, шла разведка, сразу за ними – часть конницы Ла Гира, а оставшаяся часть прикрывала обоз с тыла.

Шли в тишине, лишь слышно было, как хрипели лошади да кое-где позвякивала подпруга. Обильно смазанные оливковым и конопляным маслом ступицы никакого скрипа не производили.

Разведанная заранее неширокая дорога вилась меж невысокими горными кряжами, скорее холмами, поросшими густым кустарником и смешанным лесом. Имперское войско тянулось по ней змеей, и главным сейчас было не опасение внезапного нападения – темно, ни своих, ни, к беде появятся, чужих не видно! – а сама дорога кое-где размякшая, кое-где пересекаемая ручьями. Пару раз уже приходилось вытаскивать застрявшие в грязи бомбарды, но пушки того стоили.

Ехавший вместе с дружиной в авангарде князь то и дело бросал взгляд вперед, угадывая в ночной тьме тусклые звездочки факелов, указывающие войску путь. По словам разведчиков, до Жироны оставалось не так уж и далеко – к рассвету явно должны добраться, даже таким вот, не слишком-то поспешным – ночь все-таки – ходом. Просто не хотелось оставлять в тылу столь хорошо укрепленную крепость с весьма многочисленным гарнизоном, без этого нельзя двигаться дальше на Барселону или к Сарагосе.

О! Впереди вдруг взметнулся факел, замаячил из стороны в сторону пульсирующей звездой.

– Река! – передали по цепочке воины.

Егор улыбнулся: теперь уж скоро.

Дорога пошла вдоль реки, судя по звукам – довольно бурной. На востоке, за далеким морем, уже начинало светать, и алый закат накрыл темное небо широкой полосой, быстро ширившейся и словно бы сжигавшей растерянные облака ночи. Вот уже показалась лазурь, а звезды и серп убывающего месяца побледнели, готовые покорно растаять в первых лучах животворящего каталонского солнца.

– Рассветет скоро, княже, – заметил едущий рядом с Егором воевода Онисим Раскоряка, прозванный так за широченные плечи и приземистую фигуру.

Кроме чрезвычайной силы и ловкости, Онисим отличался незаурядным умом и личной преданностью, за что к нему и благоволил князь, поставив во главе дружины. Ох и дружина была – молодец к молодцу! Все парни сильные, рослые (куда там французам!), в новгородских – по итальянским да немецким лекалам – латах, прочных и легких, полтора пуда весу – самое большее! Окромя мечей да татарских сабель вооружены шестоперами, цепами, палицами, у кого и ручницы, и аркебузы – те уж куда как ручниц удобнее: массивный приклад имеется, целиться лучше. Хотя куда там целиться – на полсотни шагов прицельного боя едва хватало, однако шагов с двадцати свинцовая пуля запросто пробивала рыцаря в доспехах, да еще вместе с конем! Конечно, арбалет куда убойнее и бьет дальше... однако и стоит раз в десять самого доброго аркебуза дороже. Да и стрелы еще... пули-то лить гораздо быстрее и легче.

Вообще же в реальном бою куда больше был пригоден лук – заряжать не надобно, знай себе шли стрелы. А вот в засаде или в вагенбурге – тут лучше арбалет, аркебузы, ручницы. Больше все-таки склонный к огнестрелам, Егор луки, однако, тоже ценил и всегда оружие в отрядах комбинировал, даже к английским лучникам, помимо копейщиков, еще и дюжину аркебузирова приставил.

– Жирона, князь!

Воевода вытянул руку, да Егор уж и сам заметил впереди, за излучиной, маячившие в утреннем тумане башни.

– Стены-то высоки, однако.

– И ворота крепкие.

– А речка-то так промеж города и течет...

– Там у них и мост – вона!

Под первыми лучами солнышка туман быстро уходил, поднимался к небу, таял, словно апрельский снег, и все уже было хорошо видно: и песочно-серый шпиль собора, и башни, и стены, и мост – основательный каменный мост через реку, соединявший две стороны города.

– Что это там, у реки? – прищурившись, всмотрелся молодой князь. – Лодки, что ли?

– Лодки, княже.

– Та-ак...

Приказав располагать артиллерию, Егор надолго задумался, невольно любясь пушками – огромными сварными бомбардами весом три и даже пять тонн, похожими на ступки алхимиков-мортирами на хиленьких переносных лафетах – при стрельбе орудия вкапывали в землю, – изящными вытянутыми гаковницами и фальконетами... В рассеянном утреннем свете тускло

поблескивали медные, чугунные и бронзовые стволы. Резко пахло порохом и дымом только что разожженных костров.

По приказу князя самые крупные бомбарды нацелили на воротные башни, а найденные на берегу рыбацки лодки связали вместе, устроив нечто вроде плота, на который поместили изрядный запас пороха и – для пущей убойности – камни, в коих в ближайшей округе недостатка не было.

– Рассчитайте длину фитиля так, чтоб точнехонько под мостом взорвалось, – задумчиво приказал князь пушкарям, и те опрометью бросились исполнять.

Вначале пустили к мосту пустой челнок – посчитали... Вывалившие на стены крепости горожане грозились кулаками и ругались, а кое-кто даже пытался достать осаждавших стрелами – но из-за большого расстояния безрезультатно.

Ого! С воротной башни вдруг рывкнула пушка... пушечка, судя по звуку. Не причинив никакого вреда, ядрышко позорно упало в реку. Русские артиллеристы презрительно захохотали, усердно делая свое дело, что требовало немало труда и мужества. Огромные бомбарды подтянули ближе к воротам, установили от стрел деревянные щиты-павезы, прикатали ядра – каменные и (на первый выстрел) чугунные. Князь предполагал обойтись именно одним, ну, двумя выстрелами, вовсе не собираясь втягиваться в уличные бои, и сразу же послал осажденным парламентаря с грамоткой, в коей описал условия сдачи.

Десять пар лошадей, три тысячи флоринов и еще на столько же – продуктов и фуража.

Так себе, смешные запросы, вполне горожанам Жироны посильные... Однако на том ультиматум вовсе не заканчивался, ниже шло странное: «Башни: пятнадцать пар лошадей... пять тысяч флоринов».

А потом: «Мост: двадцать пар... десять тысяч флоринов... Собор: тридцать пар... тридцать тысяч...»

– А поймут они, княже? – засомневался воевода Онисим.

Егор хмыкнул:

– Поймут. Тут ведь по-каталонски написано. К тому ж мы им сейчас же все поясним – весьма убедительно. Сейчас вот, гонца обождем...

Вернувшийся парламентар – молодой француз из отряда Ла Гира – лишь уныло пожал плечами да пожаловался:

– Они там смеялись.

Князь вскинул глаза:

– И как смеялись? Обидно?

– Да, обидно, наверное. Видать, знают, что для полноценной осады нас слишком мало.

– Смеется тот, кто смеется последним!

Сноровисто зарядив бомбарды, канониры между тем доложили о готовности к выстрелу, и Егор, с нехорошим прищуром поглядев на город, взмахнул рукой:

– Огонь!

Изрыгая пламя и густой беловато-зеленый дым, дернулись, подпрыгнули на лафетах бомбарды. С адской силой ударили в стены ядра – обе надвратные башни обрушились, на глазах изумленных защитников превращаясь в груды камней. Однако даже после столь наглядной демонстрации силы никто не торопился вывешивать белый флаг, и князь, не колеблясь, приказал пускать брандер.

Пушкари все рассчитали точно: и длину фитиля, и скорость течения – взрыв прогремел как раз под мостом, и каменный пролет с грохотом обрушился в воду...

Среди осаждавших послышались торжествующие крики. Рассеялся дым... в городских воротах поспешно подняли решетку, выпуская парламентаров, судя по одежде – представителей самых знатных и богатых семей.

– Мы согласны, – кланяясь, галдели посланцы. – Согласны на все ваши условия!

– Десять тысяч флоринов, – напомнил Егор. – А могли б и на трех сойтись – вот что значит упрямство!

* * *

В Жироне князь задерживаться не стал – арагонское войско еще отнюдь не было разбито и во главе со своим королем ошивалось где-то неподалеку, зализывая раны и в ожидании идущего из Новой Кастилии подкрепления, о чем Егору уже давно доложили соглядатаи из Наварры. Остаться в сдавшемся на милость победителей городе неминуемо означало загнать себя в ловушку, выбраться из которой может оказаться весьма затруднительным делом, а потому Егор предпочел понапрасну не рисковать, хоть и силен был соблазн показать себя да устроить пир по случаю славной и вовсе не кровавой победы.

Пир устроили, да, но лишь к вечеру следующего дня, уже точно зная, что вражеские войска отошли к Сарагосе. Люди князя встали лагерем на склонах холма, близ реки, пологой излучиной огибающей плоские горные кряжи. На случай внезапного нападения повозки все же поставили поперек дороги, выставили посты, отправили посматривать по холмам конные разъезды. Князь всегда был осторожен и разгильдяйства в вопросах обороны не терпел – заснувшего часового вполне мог повесить, и о том знали все.

Вот и пир устроили вовсе не со вселенским размахом, как наверняка поступил бы тот же король Альфонсо даже в случае куда менее грандиозной победы. Тихонько так сели, под домашнему, пушечными салютами окрестности не будоражили и голых девиц в качестве танцовщиц из Жироны не звали, хотя кое-кто и предлагал.

– А вот шиш вам! – огорошил повес Егор. – Сначала дела сделаем, а уж потом веселиться будем. Сейчас же победу отметим – просто потому, что надо. Ведь, я знаю, есть такое поверье – ежели удачу не отмечать, так она и отвернуться может.

– Ого! – лично притащив бочонок с вином из захваченных в Жироне запасов, обрадованно потер руки Джон Осборн. – Это вы сейчас все правильно сказали, сэръ!

– А я всегда все говорю правильно, – ухмыльнулся Егор. – Что ж, повелеваю начать пир!

Пушки, конечно, не пальнули, но рога с трубами затрубили, и даже недолго погрохотал большой барабан. Погрохотал бы еще, да князь приказал не сильно шуметь, потому обошлись трубами, рожками да лютней, весьма кстати нашедшейся у одного молодого рыцаря из нормандского города Кана. Звали рыцаря шевалье Жан-Мари Ле Рой Арман де Сен-Клер, и, несмотря на столь звучный титул, сей славный юноша вовсе не был, как могло показаться, графом – обычный рыцарский род, весьма обедневший за последние годы сражений, Нормандию ведь кто только ни грабил!

Даже оруженосца и того у парня не было, лишь верный конь, щит с фамильным гербом в виде бегущего по лазоревому полю серебряного единорога, выдавшие виды доспехи да лютня. Ну еще, конечно же, в потертых ножнах меч.

– А ты умеешь ли петь-то, Арман? – на всякий случай спросил князь по-английски – французский он понимал с трудом, а шевалье де Сен-Клер как раз неплохо владел английской речью. – Понимаешь, есть ведь такие люди, что вроде умеют и петь, и играть, да вот только слушать их нет никакой охоты.

– О, сир, – вступился за Армана Ла Гир, – уверяю вас, сей юный шевалье поет и играет не хуже любых трубадуров!

– Ну, вот и послушаем! – выпив вина, воскликнул князь.

Усевшись на ствол поваленной ветром ели, Сен-Клер тронул пальцами струны:

Быстро жизнь уносится,
Предана учению!

Молодое просится
Сердце к развлечению!

Кто-то из свиты Ла Гира тут же перевел песнь на немецкий.

– О, да ты поешь, как школяр, славный Арман! – Егор похлопал в ладоши. – Неужто был когда-то студентом?

– У меня много знакомых среди них, – встав, учтиво пояснил юный шевалье.

На вид ему было лет около двадцати, невысокого роста, худ, не сказать, чтоб силен, но какой отвагой пылали синие, как море, глаза, казавшиеся для столь узкого лица слишком уж большими!

Тряхнув темными локонами, рыцарь де Сен-Клер поставил на ствол затянутую в узкую штанину шоссов ногу в остроносом башмаке из темно-голубой замши. Слева башмак был неумело заштопан белой суровой ниткой, справа же зияла дырка. Что ж, бывает... ничего, в испанском походе столь достойный шевалье, несомненно, добудет себя и кое-что еще, кроме славы, а бился Арман смело. И играть умел – тонкие пальцы так и летали по струнам, еще и ногой притоптывал в лад, да и пел неплохо.

Весело было пить вино под такую песню, вовсе не рыцарскую – студенческую.

– Она просто веселая, – прояснил свой репертуар рыцарь. – А вообще, я и «Шансонету тедешу», и «Л'омм армэ» знаю. Только это все хором петь надо.

– Ну, до хора мы вряд ли сегодня дойдем, – улыбнулся Ла Гир и, нагнувшись, шепотом пояснил Егору, что шевалье Сен-Клер еще и читать и немножко писать умеет.

– Хотя вы, быть может, этому и не поверите, сир.

– Почему ж не поверить, коль у вашего шевалье в друзьях студенты? А это народ грамотный... кроме того, еще и наглый.

Князь хотел сказать «веселый», да перепутал французские слова, вот и вышло «наглый», а все и поддержали: мол, в самую точку попал, эти студюзусы – они такие, палец в рот не клади да береги дочерей и жен!

Тут же – после очередного кувшина вина – пошли в ход всякие байки про студентов, байки весьма пикантные и сейчас пришедшиеся весьма кстати – скинуть нервное напряжение похода.

Допев студенческую песнь, Арман поклонился и тут же начал другую – уже более рыцарственную: о любви к прекрасной даме с голубыми сияющими глазами и «шейкой, как гузка утенка», – именно так князю и перевели.

– Надо же – как гузка, – покачал головой Егор и вдруг замолчал, услышав явственно раздавшийся где-то на склоне холма звук рога.

Трубадур тоже замолк и опустил лютню. Звук повторился.

– Небось наша сторо́жа трубит, – негромко предположил воевода Онисим. – Схватили кого-то.

– Это боевая труба! – насторожился Ла Гир. – Труба Арагона!

Пирующие тут же схватились за мечи и кинжалы, впрочем, столь же быстро и успокоились, вполне справедливо предполагая, что вражеское войско часовые уж не прошляпили бы никак.

Значит, не враги...

Но Ла Гир сказал – арагонский рог... или труба... а ему в таких делах доверять можно.

Следующий сигнал послышался уже совсем близко, а вот донесся и стук копыт, словно чей-то небольшой отряд рвался на поляну из лесной чащи.

Он и рвался. Отряд. Вражеский, судя по алым с золотом полосам Арагона на стягах, щитах и плащах. Да, все это были вооруженные люди в доспехах и со щитами... правда, в окружении русской дружины, отнюдь не склонной шутить. Да и было чужаков от силы пол-

торы дюжины: какие-то воины, барабанщики, знаменосцы, а впереди на белой лошади – невероятно расфранченный тип! Без лат, в шитом арагонскими гербами плаще из алого шелка, в белой пижонской котте, усыпанной жемчугом, с небольшим мечом в сафьяновых ножнах. Белое холеное лицо, золотистые локоны, бархатный голубой берет со страусовыми перьями, ценой по сотне золотых реалов за штуку – примерно столько зарабатывал за год весьма квалифицированный врач, нанятый небедной городской коммуной.

А штаны... вернее, чулки. Нет, это что-то! Один чулок, левый, – белый, в традиционную красно-желтую полоску, правый же – в бело-зеленую клеточку. Так мог вырядиться только настоящий гранд! Причем гранд-то при ближайшем рассмотрении оказался очень молод, даже моложе достойнейшего шевалье де Сен-Клера, года на два моложе, если не все пять. Какой-то сопленосый юнец. Мальчишка!

О, как рьяно ему помогли спешиться... как гордо юный щеголь выставил вперед ногу в клетчатом чулке, как вскинул голову:

– Я – дон Эстебан де Сикейрос-и-Розандо, верный паж его величества славного короля Арагона, графа Барселонского и герцога Жироны Альфонсо, сына великого короля Фернандо, прозванного Антекера в честь славной победы! Я ищу здесь почтенного императора Георга Ливонского, владетеля Германских земель и далекой Руси, верховного сюзерена французов и англичан!

– Считай, что нашел, – передав допитый кубок слуге, поднялся со своего места Егор. – Я – сюзерен и владетель. Ты понимаешь латынь? Ага... по глазам вижу, что понимаешь. Проходи к костру, славный дон Эстебан, садись, испей вина и поужинай с нами.

– О нет! – мальчишка опасливо попятился. – Мне только передать.

– Что тебе передать?

– Мой сюзерен послал меня... к вам, великий император, вот с этим...

Не оглядываясь, паж протянул руку назад... в его узенькую ладонь что-то вложили...

Взмах руки – и наземь перед императором упала латная рыцарская перчатка!

– Мой сюзерен, король Арагона, герцог Жироны и Барселонский граф дон Альфонсо де Трастамара вызывает вас, славный император и король Германии, Руси и многих прочих земель, на поединок, – раскрасневшись, звонким голосом произнес дон Эстебан. – Вы оба сразитесь, как и положено рыцарям, и пусть победит, кому даст Бог!

Глава II

Король варваров

Королевский посланец уже засобирався в дорогу, но князь все же проявил гостеприимство, едва ль не силком заставив высокого гостя отведать вина и приготовленных из дичи яств.

Вечерело, плотный туман и тьма быстро окутывали округу, да так, что совсем скоро стало не видно ни зги. Лишь огоньки костров сверкали за деревьями, тут и там, словно опустившиеся на землю звезды. Паж колебался, то и дело бросая взгляды на небо – отправляться ли в обратный путь немедленно или все же переждать до утра? Что безопаснее?

Где-то неподалеку, за соседним кряжем, вдруг послышался тоскливый волчий вой, и юный дон Эстебан вздрогнул, а шевалье Арман де Сен-Клер, спрятав презрительную улыбку, еще и подлил масла в огонь.

– Так воеет вурдалак, оборотень, – пояснил молодой рыцарь, коверкая каталонские слова. Впрочем, паж, похоже, понимал и по-французски:

– Оборотень?

Арман пожал плечами:

– Ну да, вурдалак. Они в здешних лесах водятся – я слышал от крестьян.

– Сохрани, Святая Дева! – хлопнув глазами, перекрестился дон Эстебан. – Что же он, этот оборотень, и на добрых христиан нападает?

Нормандец нехорошо усмехнулся:

– Да уж нападает, ему все равно.

– Вот, совсем недавно трех наших загрыз, – как ни в чем не бывало соврал Егор. – Вообще, ночью здесь бродить опасно.

И, словно в подтверждение его слов, волк снова завыл, только на этот раз не тоскливо, а – как почему-то показалось гостю – зловеще и с какой-то затаенной насмешкой.

– Могу предложить вам свой шатер, дон Эстебан, – князь гостеприимно развел руками. – Оставайтесь, а завтра с утра поедете...

– Но мой король говорил мне... – начал было паж, да, замолкнув на полуслове, махнул рукой: – А и правда – останусь.

И, оглянувшись на свою свиту, добавил:

– А утром уж поскачем как можно быстрее!

– Само собой, господин. – Слуги поклонились разом и с видимым облегчением, зная, байка о вурдалаке пришлась не по нутру и им.

Воины уже разбивали шатер, и пир у костра продолжался недолго – выпили еще по три кубка, отчего юный посланник пришел в совершенно блаженное состояние и даже неожиданно попытался отобрать у Сен-Клера лютню, да тот проявил грубость – не дал. Дон Эстебан обиженно засопел, что-то пробормотал пьяно да тут же и уснул, едва не свалившись в костер. По знаку Егора гостя тут же подхватили заботливые руки, утащили в шатер, уложили спать. Одни сопровождавшие пажа воины улеглись рядом с шатром, другие остались бодрствовать, охраняя своего юного господина.

Волк, слава богу, больше не выл, видать, убежал куда-то или поймал-таки добычу и сейчас довольно урчал, с аппетитом пожирая какого-нибудь барсука или зайца. Отправился спать и князь, на эту ночь – в фургон, в кибитку, а остававшиеся у костра воины еще долго слушали Армана, неумоимо рассказывавшего разные истории о вурдалаках и святых. Один из святых даже ходил, взявши под мышку голову, только вот Егор так и не понял, как его звали – Святой Дионисий или Святой Клер? Да и не очень-то старался понять, неудержимо проваливаясь в плотный, словно туман, сон.

* * *

Утром загремели трубы и вся имперская рать во главе со своим повелителем понеслась вслед за юным посланцем. Расцвеченное красно-желтыми флагами арагонское войско уже выстроилось в боевые порядки, перекрыв серо-стальным валом неширокую долину с журчащей рядом рекой. Со спокойной уверенностью имперцы выстроились напротив, и налетевший ветер быстро унес туман, развевая знамена: двуглавый орел и королевская французская лилия против кастильского замка, алых арагонских столбов и вздыбленного льва Леона.

Молодой король Альфонсо де Трастамара в сверкающих на солнце латах уже дожидался князя, сидя верхом на покрытом длинной красно-желтой накидкой жеребце, нетерпеливо покусывавшем удила. При виде появившегося на поле соперника оруженосцы поспешно поднесли своему господину украшенное лентами копьё и шлем – вытянутый французский салат с позолоченным забралом и длинным стальным назатыльником.

На Егоре тоже были латы дивной новгородской работы, ничуть не хуже миланских, но куда крепче! Вороной княжеский конь бил копытами землю, и черный двуглавый орел на золотом поле хищно клекотал с небольшого треугольного щита.

– Приветствую тебя, император Востока! – потрясая копьём, прокричал Альфонсо.

Князь вежливо кивнул:

– И я рад сразиться с тобой, досточтимый король Арагона и граф Барселонский.

– Еще и герцог Жироны, – король обидчиво покривил губы.

– И – герцог Жироны, – согласился Егор, подумав, что Жирона-то уже взята.

– Не будешь ли ты против, великий государь, если знак к поединку подаст мой герольд? – тронув поводья коня, язвительно осведомился араговец, кивая на своего юного пажа, донна Эстебана Сикейроса-и-Розандо, на этот раз украшенного многочисленными гербами и ленточками так, что почти невозможно было разглядеть лицо.

Тоже еще, герольд выискался... Впрочем, какая разница?

– Пусть подает, – князь милостиво кивнул и надел на голову шлем – бацинет с вытянутым забралом фасона «собачья морда».

Очень надежный шлем, обычно стоивший пять золотых монет – флоринов, гульденов, дукатов. Но этот Егор купил за десять, о чем пока не жалел.

Поклонившись друг другу, поединщики, резко повернув коней, поскакали прочь, набирая расстояние, необходимое для копейного удара. Оба войска поддерживали своих предводителей криками и радостным гулом.

Горело на доспехах солнце, стяги гордо реяли на ветру, и даже синее, очистившееся от туч небо, казалось, улыбалось, радуясь предстоящей забаве.

Егор нехорошо ухмыльнулся, увидев, как ловко молодой король Арагона развернул коня, как перехватил копьё – по всему виду, завсегда турнирных схваток, опытный боец, несмотря на молодость.

Князь же, увы, тем же самым похвастать не мог, как-то не довелось еще участвовать в турнирах, все не до того было – то в ватаге промышлял, ордынцев громил, а потом и литовцев, немцев. Какие уж тут турниры! Егор отлично владел мечом, палицей, шестопером, секирой, метко стрелял из аркебуза, арбалета и лука, мог и из пушки пальнуть вполне даже действительно, но вот копьё... рыцарский таранный удар, поединок – это все прошло мимо князя... Хотя и тут он, когда мог, наверстывал, тренировался.

Истошно протрубил рог.

– Сходитесь! – юный герольд махнул красно-желтым флажком.

Поглядев друг на друга, соперники одновременно опустили забрала. Упали на упоры копья... Альфонсо, кстати, держал копье в левой руке – нехорошо, непривычно... тем более, если вообще опыта в подобных сватках нет...

– Хоп! Хоп!

Хищные жеребцы – боевые драконы войны, – раздувая ноздри, рванулись галопом навстречу смерти.

Черный двуглавый орел и красные арагонские полосы... они сближались столь быстро, что князь так и не понял, в какой именно момент произошел удар... Только что-то сорвало забрало... и наконецник вражеского копья поразил мозг...

* * *

– Господи-и-и-и!

Проснувшись в холодном поту, молодой человек выскочил из фургона. Голова раскалывалась, правый глаз болел так, что казалось, сейчас вот-вот вытечет из глазницы... Князь ухмыльнулся: вроде вчера не дрался, морду никому не бил... соответственно, и в ответ не получал удара – ну, не пропустил бы, даже если б и звезданул кто.

Уже начинало светать, и плотные облака кое-где прорывались слабой лазурью, чуть тронутой позолотой невидимого пока солнца. Подойдя к догоревшему костру, Егор уселся на при-
тащенный еще вчера еловый ствол, накрытый рогожкой, и какое-то время сидел, приходя в себя и лениво шевеля носком башмака угли. Сидел, сидел, думал... пока не отвлекли крики:

– Лазутчиков поймали, княже!

– Лазутчиков?

Егор тотчас поднялся на ноги, глядя на приземистого Онисима Раскоряку:

– Что за люди?

– А вона!

Маячившие за воеводой дружинники подвели к своему князю трех связанных по рукам парней, очень похожих друга на друга – все трое темноволосые, круглолицые, со вздернутыми носами. Старшему лет двадцать пять, остальные куда моложе.

– Э, они братья, что ли?

– Похоже, что так, государь, – махнув рукой, воевода подошел ближе. – За горой, у реки, словили – пробирались к твоему шатру, даже стрелы успели пустить!

– Что?! – встрепенулся князь. – В мой шатер... Стрелы? А ну-ка, быстро...

Перепрыгнув через бревно, он бросился к возвышавшемуся невдалеке шатру, который сам же и уступил важному гостю.

Добежать не успел – из травы, словно призраки, возникли фигуры арагонской стражи. Тоже еще, охраннички – не с той стороны караулили! Увидев Егора, воины неохотно расступились.

– Дон Эстебан! – откинув полог, князь заглянул в шатер...

В изголовье походного ложа торчала длинная черная стрела! Как раз бы в шею угодила, прямиком... Однако где же...

– А где ваш парень? – отбросив приличия, спросил по-французски Егор.

Его поняли, кто-то из стражников показал на реку, и молодой человек помчался туда, не обращая внимания на хлеставшие по лицу ветки.

Скинув рубаху, дон Эстебан спокойно умывался, стоя на плоских камнях у самого берега. Кожа его оказалась совсем не загорелой, белой... как, впрочем, и положено аристократам.

– Эстебан, все в порядке? – Егор перевел дух.

– Да! – Мальчишка обернулся и, увидав князя, попытался отвесить поклон, едва не свалившись в воду.

– Давай уж без церемоний, – усевшись на камень, улыбнулся молодой человек. – Ты, я вижу, понимаешь латынь.

– Ну а как же?! – Карие глаза паж сверкнули обидой. – Я же не сиволапый эстремадурский мужик!

– Ладно, ладно, не злись... Так ты не спал в шатре?

– Там душно. – Дон Эстебан неожиданно замялся и опустил голову. – К тому же вы тут все говорили про оборотней... вдали, наверное, но все равно неприятно одному спать. Вот я и ушел к своим, в палатку. Только не подумайте, что я трус!

– Что ты, упаси боже!

– Просто... нечистая сила... У меня ведь даже не было с собой чеснока, а у них, у моих воинов, был – они очень любят чесночную похлебку, знаете ли...

– А чеснок помогает от оборотней, – пряча улыбку, покивал Егор.

Паж вскинул глаза:

– Еще как помогает! У нас в Сарагосе бывали случаи... Я слышал не раз! Ой...

Мальчишка вдруг сконфуженно потупился и покраснел – и князь знал почему: молодой дон Эстебан де Сикейрос-и-Розандо только что признался в собственной трусости – именно так и обстояли дела.

– Я бы не сказал об этом никому, – покусав губы, тихо промолвил паж. – Какому-нибудь барону, графу... но вы – император!

– Обещаю тебе молчать, – сооротив серьезную мину, Егор поднялся на ноги. – Даю честное императорское слово.

– Спасибо, благороднейший сеньор! – Дон Эстебан сразу же воспрянул духом, поклонился... и свалился-таки в реку, подняв тучи брызг!

Егор поспешно протянул ему руку:

– Держи! Давай, выбирайся.

– О, благороднейший го...

– Да хватит тебе уже! Скажи-ка лучше: твой почтеннейший сюзерен, славный король Альфонсо де Трастамара, – доблестный рыцарь?

– Что-о? – мокрый, как курица, паж недоуменно округлил глаза.

– Я ж из дальних земель, вот и не знаю, – поспешно пояснил князь.

– Понимаю, – дон Эстебан смахнул со лба капли. – И смею вас уверить: мой король – достойный и благородный соперник, поединок с которым не нанесет никакого урона вашей чести. Дон Альфонсо – доблестный и умелый рыцарь...

– Он сражается левой рукой?

– Обеими руками, сеньор! В конных схватках давно нет ему равных, все благородные дамы Арагона и Каталонии... ой...

Наступив на сучок, мальчишка закусил губу и схватился за ногу.

– Что случилось? – встревожился князь. – Ты идти-то можешь?

– Ну конечно могу!

– Слава богу... А то, может, позвать слуг?

– Нет-нет! – дон Эстебан с возмущением замахал руками. – Вот видите, я уже иду.

– Ну, как знаешь.

Парень заметно прихрамывал, видать, все же поранился достаточно глубоко, однако виду не показывал, даже не морщился, а молча терпел боль. Что ж, благородного кабальеро видно сразу!

– А у вас в Арагоне в поединках такие же правила, как и везде? – словно бы невзначай поинтересовался Егор.

– Арагон – не какая-нибудь забытая богом дыра!!!

Мальчишка снова обиделся, правда ненадолго – понимал, поди, что дуться на императора – это уж ни в какие ворота не лезет!

– Значит, я, как вызванная сторона, имею право сам выбрать оружие для нашей битвы, так?

– Ну конечно же так, благороднейший господин! Я передам ваш выбор моему королю.

Передаст... Егор хмыкнул: а если б ты, парень, не устрасился оборотня да уехал еще вчера? Кто б тогда что передал? Нелогично. Впрочем, средневековые люди часто вели себя вне законов логики.

– Позвольте спросить, сеньор импе...

– Спрашивай.

– И какое же оружие вы...

– А вот об этом я подумаю. – Князь остановился и, скрестив на груди руки, окинул пажа таким взглядом, от которого тот, вне всяких сомнений, тут же почувствовал себя самой мелкой букашкой. Еще бы... кто император, а кто какой-то там дон Эстебан?!

– Я подумаю, – сдвинув брови, важно повторил Егор. – А ты подождешь... столько, сколько будет надо. И не вздумай меня торопить!

– Я... я б никогда не осмелился, господин!

На пажа было жалко смотреть! И куда только пропал весь его гонор? Что, в самом деле, забыл, с кем разговаривает? Да, властелин Священной Римской империи князь Георг Заозерский-Ливонский, враг короля Альфонсо и этого вот сопляка – дона Эстебана... Враг, но все же император! А благородное сословие – это не какие-нибудь простолюдины – условности здесь просто необходимы и соблюдаются всеми... по мере сил.

– У меня есть священник, отец Жан-Пьер, он прекрасный лекарь...

– О, господин, мне не...

– Он осмотрит твою ногу. И не прекословь!

Отправив мальчишку в шатер, князь вернулся к своим людям, вознося самые искренние молитвы Господу за дона Эстебана. Убить посланника... а ведь это так и выглядело бы, и вряд ли б император смог оправдаться: мол, какие-то мужики-лазутчики перепутали. Бред! Убить посла означало не только потерять честь, но и вызвать эскалацию конфликта, совсем не нужную императору, желавшему лишь продемонстрировать свою силу и продиктовать условия мира.

– Так что с лазутчиками, княже?

– Веди их к моей повозке, верный Онисим.

Махнув рукой воеводе, Егор окликнул отца Жан-Пьера и, отправив его к шатру, подошел к фургону, где его уже ждали трое каталонских молодчиков в окружении стражи.

– Ну? – подозвав толмача, хмуро спросил князь. – И зачем вы хотели меня убить?

– Мы вовсе не хотели, – нагло ухмыльнулся старший.

Егор покусал губу:

– Ах, не хотели... А стрелой – промахнулись! Видать, в перепелку метили?

– Все так и было, сеньор!

– Онисим, младших разбойников утопить в реке, – спокойно приказал князь. – Толмач, переведи! Да, а старшего мы отпустим... пусть себе живет, ага.

– Эй, эй! – уяснив, что к чему, лазутчик явно заволновался. – Почему это вы меня не убьете, ведь я ж среди них за главного?

– А чтоб ты потом всю жизнь мучился за то, что не уберег своих младших братьев, – охотно пояснил князь. – Ведь вы же братья, так?

– Да, братья. – Старший тяжело вздохнул и признался: – Мы каталонцы, из Матаро... Я и в самом деле хотел вас убить – я, не они, – но только для того, чтоб вы не убили на поединке нашего славного короля Альфонсо! Тогда власть в Каталонии захватят проклятые кастильские свиньи... а мне б и всем нам очень бы этого не хотелось.

– И мне б того не хотелось, – искренне промолвил князь. – Совсем-совсем не хотелось бы, поверь... Что, действительно захватят?

– Ну да, – лазутчик пожал плечами. – Посадят на арагонский трон малолетнего Хуана Кастильского, а править за него будет его мамаша, англичанка, или, того хуже, некий молодчик и интриган по имени Альваро де Луна. Им свободная Каталония не нужна!

– А мне – нужна. – Князь негромко рассмеялся, глядя на изумленные лица несостоявшихся убийц. – Честное слово, нужна, и я вовсе не собираюсь лишать каталонские и арагонские города каких-либо вольностей.

– Кастильцы вас не спросят, сеньор!

– Ничего, поглядим... Я смотрю, вы честные и открытые люди, господа. – Встав с телеги, князь кивнул дружинникам: – Развяжите их!

– Меня зовут Жауме. Жауме Каррада, – растирая затекшие запястья, промолвил старший. – А это мои братья – Жоакин и Люис.

Все трое почтительно поклонились князю.

– Я думаю, мы ошиблись, – чуть прищунив глаза, продолжил Жауме. – Если дело так и обстоит, как вы говорите, почтенный сеньор. Да вам ведь просто незачем лгать нам, простым людям...

– Не такие уж вы и простые. – Егор засмеялся, даже закашлялся, и воевода Онисим Раскоряка заботливо похлопал его по спине. – Благодарю, Онисим... – Князь снова повернулся к братьям Каррада: – Да-да, вы не из простолюдинов – слишком уж хорошо разбираетесь в жизни королевских семей, да и одежда ваша вроде бы простая, да новая, видно, что еще не ношенная...

– Вы весьма умны, благородный господин.

– Чувствую, и вы тоже из благородных, – ухмыльнулся Егор. – Рикос омбрес?

Братья тихонько засмеялись:

– Нет, нет, что вы, сеньор!

– Но – кабальерос?

– Кабальерос, да.

Рикос омбрес, буквально – «богатые люди» – так в Каталонии называли несколько самых знатных, влиятельных и богатых семейств, по сути, определявших политику графства – типа «ста золотых поясов» в Новгороде. Кабальерос – это был народ пониже, обычные дворяне, бедные и не особо.

– Передайте мои слова тем, кто вас послал. – Князь искоса посмотрел на поднимающееся над лесом солнце.

Братья переглянулись:

– Вы что же... собираетесь нас отпустить?

– Именно так, – кивнул молодой император. – Думаю, в качестве посланцев и толкователей моих слов с вас будет куда больше толку, нежели от ваших хладных тел. Идите. А насчет короля Альфонсо обещаю подумать. Слишком жирная Кастилия мне тоже не нужна. Онисим, скажи дружинникам – пусть проводят... гм... гостей. Живо!

* * *

Егор долго думал – как же поступить? Предстоящий поединок обещал быть весьма серьезным и вполне мог закончиться смертью одного из участников. Одного из... Кого именно – князь уже видел во сне! Однако и ликвидировать короля Альфонсо заранее – что, наверное, и можно было бы устроить – тоже не очень-то хотелось, особенно в свете сведений, полученных от несостоявшихся убийц. Убирать противовес в лице арагонского короля алчной кастильской

знати было бы весьма недальновидно... и что же делать? Позволить себя убить – ха! Вот уж нет, нужно что-то получше придумать... и молодой император уже знал – что.

– Ну, как твоя нога, дон Эстебан? – подходя к шатру, поинтересовался князь.

– О, благодарю вас. – Паж со всей церемонностью поклонился, опираясь на раненую ногу, – отец Жан-Пьер неплохо владел всеми лекарскими премудростями.

– Ты уже можешь ехать, – усмехнулся Егор. – И передай своему королю – я выбрал оружие.

– Выбрали?! И какое же?

– Никакого.

– Никакого? Но... как же так?

– А вот так, мой юный друг! Мы будем биться голыми руками. На кулачках!

* * *

И вновь два войска вытянулись стройными, закованными в железо рядами друг против друга. Совсем как в том сне... точно так же. И точно так же реяли на ветру стяги – красно-желтые арагонские и золотисто-орленые имперские стяги Руси!

Король Альфонсо де Трастамара, как и положено благородному рыцарю, отнесся к выбору своего царственного соперника с большим уважением, только, по уговору, обмотал тонкими кожаными ремешками кулаки.

Так же поступил и князь, и теперь поединщики стояли на покрытом зеленой травой поле без всяких доспехов, с непокрытыми головами и в белых, с закатанными рукавами, рубахах.

– Аой!!!

Обе стороны подбадривали бойцов криками:

– Сант-Яго!

– Пресвятая Дева Лотарингская!

– Помогите нам, Черная Мадонна с горы Монтсеррат!

– Святой Джордж!

– Святая Урсула!

– Кто на Бога и Великий Новгород?!

Егор улыбался, глядя, как, разминаясь, машет руками король Альфонсо – молодой, лет двадцати, парень с чуть вытянутым, в чем-то наивным лицом, довольно приятным, но искаженным гримасой ненависти и злобы.

Давай, давай, злись!

Звонко прозвучал рог.

– Сходитесь! – сидя на белом коне, махнул красно-желтым флагом дон Эстебан де Сикейрос-и-Розандо.

В-вухх!

Ушлый Альфонсо – плотненький и довольно подвижный – хотел было по-крестьянски залепить сопернику в ухо, да не тут-то было – не на такого напал. Пропустив удар, Егор перенес вес тела на левую ногу и четко – без замаха – нанес раскрывшемуся противнику прямой удар в печень – джеб.

Юный король скривился от боли, согнулся и, получив молниеносный апперкот в челюсть, тяжело оплыл в траву, растянулся...

– Аой! – горестно закричали арагонцы.

– Нок... два... четыре... восемь... – подняв руку, громко считал император. – Аут! Чистый нокаут! Ну, что я говорил? Не только по очкам победа!

* * *

Когда-то в далекой юности он, Егор Вожников, был неплохим боксером и даже кандидатом в мастера спорта. А вот потом как-то забросил бокс – не до соревнований стало, надобно было выживать, что в провинции получалось весьма непросто. Бросив институт, молодой человек отслужил в армии, затем, вернувшись в родные места, какое-то время работал водителем, а затем «припал» к лесным делам и лет через пять уже открыл две пилорамы. Подумывал расширяться, прикупить магазин и – может быть – компьютерный клуб... И купил бы! Если б не встреча с местной колдуньей, бабкой Левонтихой, невзначай пообещавшей Егору некие волшебные свойства, а именно – умение предвидеть опасность, пусть даже локальную, но все же и это много чего давало в острой конкурентной борьбе, и, чем черт не шутит, молодой человек решил попробовать. Купил у бабки зелье, выкупался, как она и говорила, в проруби, выпил... Только вот предупреждала Левонтиха о грозе, да Егор тогда не внял – какая зимой гроза-то? Тем и поплатился – случилась гроза-то, и все пошло не так, мало того, вынырнув из проруби, Вожников оказался в самом жутком Средневековье, точнее – в тысяча четыреста девятом году, сразу после нашествия на Русь ордынского эмира Едигея!

Как и любой нормальный человек, Егор долго не мог в это поверить, а когда все же поверил... тут уж пришлось побороться за жизнь, и не только за свою. Пристал к лихой ватаге ушкуйников, попал в ордынский плен, там, в Орде, и встретил свою судьбу – пленницу Елену, княжну. Бежали, женился, воевал – долго и умело. Старуха Левонтиха, кстати, не обманула: Егор опасность предвидел, вот как сейчас – собственную смерть от копья короля Альфонсо де Трастамары! Став князем, женился же, да и дружина к тому времени имела верная – Егор сплотил вокруг себя многих, да и супруга попала умная, нос по ветру державшая четко! Защищая свое княжество в Заозерье, долго воевали с Москвой, с самим Витовтом схватились в великой битве под Путивлем. Витовт сгинул – говорили, что убит, – дочь его, коварная московская княгиня Софья Витовтовна, заточена в монастырь (скорая на расправу Еленка, правда, предлагала, не мудрствуя лукаво, убить, раздавить гадину, да князь проявил гуманизм). Принял иночество и бывший великий князь Василий Дмитриевич, передав московский престол своему брату Юрию – верному союзнику Егора. Все русские княжества, включая Литву, покорились новому князю, к ним добавились и Польша, и Венгрия... И в германских землях князь Егор порядок навел, получив императорскую корону, и вот, совсем недавно, взял под свою руку изнуренных бесконечной войной французов и англичан. Так вот все складывалось удачно. Пока...

По результатам поединка стороны пришли к перемирию. Король Альфонсо вовсе не считал себя побежденным, поскольку поединок «произошел не рыцарским оружием», правда, согласился отвести свои войска к Сарагосе при условии, что император откажется от Барселоны. Это Вожников и сделал, опять же – пока.

Да, сила имперского воинства была явлена, как и могущество самого императора и великого князя, однако по численности армия Егора сильно уступала арагонскому и кастильскому воинству, а ведь короли Кастилии и Арагона вот-вот должны были объединить свои силы. Юного Хуана Кастильского (точнее, его регентов) удерживал от этого лишь натиск сыновей Жуана Португальского – славных «рыцарей Сеуты», недавно совершивших успешный бросок в Африку, – Дуарте, Педру, Энрике... впоследствии известного как Генрих Мореплаватель.

Обещав не трогать Барселону, русский великий князь отошел к Матаро, справедливо посчитав благодатное побережье – Коста дель Маресме – куда более удобным для снабжения своего войска, нежели каменистые склоны бедных арагонских урочищ. Тем более подкрепление ожидалось не только по суше, через Южную Францию, но и по морю – из Константино-

поля, и гавань Матаро, пусть даже и сильно уступавшая Барселонской, пришлось бы как нельзя более кстати.

* * *

– Что это за город такой – Матаро? – по пути рассуждал сам с собой славный рыцарь Сен-Клер из Кана. – Никогда не слышал!

– Боюсь, и о Кане здесь никто не слыхал, – уловив кое-что из французской речи, вскользь заметил Егор. – А Матаро – городок неплохой, и до Барселоны близко – минут двадцать на электричке... ну, полчаса.

Последнюю фразу князя, конечно же, соратники не поняли, однако и переспросить не смогли, не осмелились перебить императора. Слава богу, дальнейшие его слова оказались куда более понятными... правда, опять же не все.

– А вообще, мне Каталония нравится, ах, одна Барселона чего стоит! Грасиа, площадь Испании, бульвар Рамбла, Саграда Фамилия... Гауди, Хоан Миро, Дали... Я был когда-то, правда недолго, русских там много, особенно на побережье, в каком-нибудь Аренис-де-Мар или в Калелье, Пинеде, Ллорет-де-Мар. Коста Брава – оно, конечно, красиво, но там скал слишком много, иное дело – Матаро. Тем более у нас там и хорошие знакомцы есть – братья Каррада. Вполне достойные кабальеро... эх, а если б я тогда в шатре спал? – Вожников неожиданно расхохотался: – Да нет, не спал бы... Зря, что ли, когда-то бабки Ленвонтихи зелье пил? Напился, бли-и-ин... на три жизни! И ведьмы-то все, каких знал, сказали, мол, никогда я домой не вернусь... А знаете – честно сказать, уже и не тянет. Прикипел я как-то к вашим чертовым Средним векам, тем более жена у меня здесь, дети... работа... Ненормированный рабочий день, ха-ха-ха! А ну-ка, друг мой Арман, не в службу, а в дружбу – плесни-ка еще вина.

– С превеликим удовольствием, сир!

Шустрый нормандский паренек был несказанно рад нежданно свалившимся на него обязанностям императорского виночерпия – а как-то так само собой вышло: и вчера Арман наливал, и вот сегодня... как-то без слов обошлись, по-походному.

По-походному и пили – из оправленных в серебро и золото рогов (подарок получившего по зубам короля Альфонсо). По дороге вокруг важно восседавшего в седле Вожникова столпились все его капитаны, кроме «дежурного по полку» англичанина Джона Осборна – тот все ездил проверять караулы, а возвращаясь, не забывал прикладываться прямо к увесистой плетеной баклаге, уже десятой за нынешнее утро. Хорошая была фляга, а вот здешние бутылки никогда Егору не нравились – круглые, на столе, заразы, никак не хотели стоять, зато перевозить удобно: соломой обложи да вези!

– Так вот, о Каталонии. – Неспешно потягивая из рога вино, князь вовсе не старался подогнать лошадь, вслед за ним и все тащились еле-еле – некуда было особо спешить.

И с погодой повезло, в голубом небе повсюду сверкало солнышко, однако жары никто не испытывал: дувший с юга ветер приносил прохладу и соленый запах близкого моря.

– Когда-то Каталония, как и все Испания, была захвачена арабами, по-вашему – маврами, потом мавров прогнали, не всех, а... ммм... может, помнит кто?

– В Гранаде еще остались мавры, сир, – гордо передернув плечом, напомнил шевалье де Сен-Клер. – Не так уж и далеко отсюда.

Егор махнул рукой:

– Помню, помню. Не о маврах сейчас речь. Так случилось, что лет двести назад каталонский граф Рамон-Беренгер, не помню, какой по номеру, умудрился жениться на арагонской принцессе, а затем ловко сменил титул: согласитесь, король Арагона звучит куда более солидно, чем какой-то там барселонский граф! И все же Каталония – это отнюдь не Арагон,

тем более не говоря уже о кастильцах, коих славные каталонцы на дух не переносили никогда! Что такое, Джон?

Недавно подъехавший капитан лучников поспешно оторвался от фляги:

– Просто хотел кое о чем доложить, сэр.

– Так докладывай, хватит пить уже!

– Мои люди задержали повозку, сэр. Какие-то люди, по виду – горожане или джентри, но никак не йомены, слишком уж прилично одеты для простых крестьян. Попались нам навстречу и пытались бежать.

– Бежать?

– Думаю, это лазутчики, сэр! Подсланы этим... Альфонсом, коему вы так славно начистили морду! Нет, в самом деле славно, сэр! Детям своим расскажу, если их увижу. Бац-бац – и лежит Альфонс, ножками дрыгает. Вот это по-нашему, по-английски! Так прикажете их вздернуть? Мои парни уж и дерево подходящее присмотрели.

– Подождите с деревом, – задумчиво пробормотал Егор. – Давайте-ка задержанных сюда.

– С телегой, сэр?

– К черту телегу! Ведите так.

Схваченных оказалось пятеро: чернобородый мужчина средних лет, такая же пожилая – лет сорока – женщина в бежевом чепце и трое детей-подростков, темноволосых, но с веснушками. Явно не крестьяне – тут капитан оказался прав, – одеты, скорее, как бюргеры: добротного сукна куртки, жилеты, рубахи из тонкого полотна, на женщине полно серебряных украшений – серьги, кольца, браслеты...

Всех привели на поляну у неширокого ручья.

– Кто такие? – не слезая с седла, хмуро осведомился князь.

Мужчина сделал шаг вперед, словно пытаясь заслонить собой жену и детей:

– Мы – мирные жители Матаро, достопочтенный сеньор, но вынуждены нынче покинуть наш дом, как делают многие.

– Это почему же? – Возников прищурился и нехорошо усмехнулся: – Впрочем, догадываюсь почему. Кого-то боитесь?

– Боимся, – задержанный опустил глаза. – Говорят, сюда с гор идут страшные полчища короля варваров! Они никого не щадят, ни женщин, ни детей, все на своем пути сжигают и даже пьют человеческую кровь!

– А еще едят младенцев, – подумав, добавил Егор. – Иногда жареными, но чаще сырыми.

– Жареными!.. – ахнула женщина.

– Жареных – только на Пасху, а так – сырых.

– Неужели... на Пасху?!

– Ну, хватит издеваться! – не выдержав, рявкнул Егор. – Вы ж не какая-нибудь там деревенщина, все-таки в городе жили... Чем занимались? Ну?!

– Я бондарь, сеньор. Бочки делаю, а сыновья мне помогают.

– И хорошие у тебя бочки?

Тут мужик выпрямился и, расправив плечи, заявил с поистине королевской гордостью, какую странно было слышать из уст простолюдина, но вот тем не менее пришлось:

– Никто и никогда еще не жаловался на бочонки Николаса Глейдахо из Матаро! Никто. Никогда. Не жаловался. И не будет. Я хороший мастер, и если вы когда-нибудь увидите бочки с мои клеймом, почтенный сеньор, то...

Князь взмахнул рукой:

– Хватит! Ты, может быть, умеешь читать, Николас?

– Я грамотен, – с достоинством ответил бондарь. – Как и мой старший сын.

– Вот так штука! – Князь расхохотался настолько весело и громко, что даже пленники невольно улыбнулись. – Грамотен, вот как... И, верно, знаешь, что в войске «короля варваров»,

как ты изволил выразиться, есть множество английских и французских рыцарей, как и рыцарей из германских и итальянских земель. Они что же, по-твоему, не христиане?

– Я так не сказал.

– Да, но почему-то подумал, что эти достойные люди могут служить пожирателям младенцев? Самому-то не стыдно, а?

– Я просто услышал...

– И тут же поверил! Ах-ах, пьют кровь, едят людей... – Князь наставительно поднял вверх указательный палец: – И это – образованный человек, мастер, чего уж там говорить обо всех прочих. И много таких дураков из Матаро убежало?

Николас Глейдахо потупился:

– Да хватает. Я вот продал свой дом!

– Вот дурень! – покачал головой Вожников.

– Точно, дурень! – неожиданно согласилась до того молчавшая женщина. – А я ведь ему говорила – обожди! А он – все говорят, говорят... вот и наслушался разных бредней...

– Насчет бредней – это ты верно заметила, э-э-э...

– Люсия меня зовут, сеньор. Хорошо, я еще не все продала!

– Как не все? – изумленно моргнул бондарь.

– Мастерскую только заложила... хоть ты мне и поручил продать.

– Ах вон оно что! – обманутый собственной супругой Николас сдвинул на затылок шапку. – То-то я и смотрю, что-то денег выручили мало. Так ты, значит...

– Повезло тебе с супругой, мужик! – снова расхохотался князь. – В общем, так – спокойно возвращайся обратно. Кстати, ты знаешь, сколько «король варваров» берет налогов с домовладения и мастерской?

– Сколько?

– Двадцатую часть! Что, не веришь? А в жареных младенцев поверил, господин бондарь!

Было ясно, что кто-то распускал самые гнусные слухи. Кто? Король Альфонсо? Кастильские регенты? Обоим это было бы выгодно... на первый взгляд.

– Ладно, в Матаро разберемся, кто там воду мутит, – себе под нос пробормотал Вожников. – Скоро уже и будем. Эй, Николас, можешь ехать обратно с нами! Никто не обидит.

Сняв шапку, бондарь поклонился в пояс, а следом и вся его семья.

– Да, мы поедem, – сказала за мужа Люсия, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся вовсе не такой уж и пожилой, даже более того – вполне симпатичной дамой. В отличие от мужа, она даже не побоялась спросить: – Кто же вы такой, почтенный сеньор?

Князь улыбнулся:

– Тот, о ком вам все уши прожужжали. Король варваров!

– Ой! А с виду такой приличный мужчина...

Глава III

Матаро

Спустившись по узкой, заросшей высокой травой тропке к реке, Анна-Мария подобрала юбку и попробовала босой ногой воду – не такая уж и теплая, однако если и дальше так будет жарить, так быстренько можно искупаться. Правда, не забыть привязать коз, а то разбегутся по кустам – ищи их потом, не дозовешься, а уж если, не дай бог, затеряется хоть одна козочка... Дядюшка Бергам хоть и не злой, зря сироту не обидит, а все ж скуповатый, месяца три за пропажу отрабатывать заставит – и коз пасти, и в доме прибрать, и во дворе управиться, работы в хозяйстве старого Бергама хватало, особенно после смерти супруги, тетушки Карисы, царствие ей небесное. Анна-Мария, правда, тетушку и видала-то всего один раз, еще в раннем детстве, но много хорошего о ней слыхала – матушка покойная рассказывала. Д-а-а... хорошо хоть родственник есть – дядюшка Бергам, а то б куда Анна-Мария подалась-то, когда дом за долги забрали? Да ладно бы дом, а то так – хижину, но все равно жалко, а пуще того жаль скот: двух стельных телочек, нетеля да уток, славные были коровушки, и утки – славные... Да что уж теперь вспоминать?! Еще хорошо саму отрабатывать не заставили.

Так и в самом деле – искупаться? Девушка посмотрела в воду, уже не такую высокую, как неделю назад, зеленоватую, с качающимися лучиками солнца. Ох и жарит! Анна-Мария посмотрела по сторонам – да кого тут бояться-то, место спокойное, глухое, дорога на Матаро вроде бы и рядом, но и не так чтоб уж слишком – к реке-то спуститься и поближе удобные тропинки есть. А эта тропинка – ее, Анны-Марии, и место это ее, и коз... нет, козы все же дядюшкины.

О, пресвятая Мадонна Монтсерратская!

Девушка уже скинула было юбку, да, вспомнив о козах, торопливо натянула обратно и со всех ног бросилась по тропинке вверх, к кустам орешника, чернотала и дрока, где на небольшой, заросшей сочной зеленой травой полянке, позвякивая медными колокольчиками-боталами, паслись три козы.

– И-и-идите-ка сюда, милые... Ой!

Анна-Мария вдруг оборвала фразу на полуслове, почувствовав, что здесь, на полянке, кроме нее самой и коз находился кто-то еще – таился за черноталом, взглядом нехорошим жег – видать, замыслили козу украсть, не иначе!

– А ну-ка, пошел прочь! – взяв в руку палку, гневно обратилась к кустам девушка.

О, когда надо, юная пастушка умела быть грозной! Однажды она даже прогнала с дороги злобного соседского кобеля, хоть тот и рычал, и лаял, а вот уступил-таки, убежал, поджав хвост. Так и сейчас будет...

– Ну? Кому я сказала-то?

– Не ругайся, красавица, – выбрался из кустов скромный монах в капюшоне. – Я вовсе не собираюсь воровать твоих коз, как ты, верно, подумала. Просто прилег отдохнуть в тенечке – а тут ты.

– Ой! – девчонка заметно смутилась. – Простите, святой брат, я вас и вправду приняла за вора.

– Ничего, лучше уж в эту сторону ошибиться.

Коричневый шерстяной капюшон – такой же, как и ряса, – прикрывал лицо монаха наполовину, так, что вовсе не было видно глаз, и Анна-Мария не очень понимала, как святой странник ее вообще разглядел, тем более назвал красавицей, что было очень даже приятно. Ведь на самом-то деле пастушка у местных парней не такой уж и красивой считалась: тощая, да и грудь едва выросла, к тому же – золотисто-рыжая, да еще веснушки.

– Славно на тебя смотреть, красавица, славно – ты, словно солнышко, сияешь вся! И глазки у тебя красивые...

– Да ладно вам, святой брат, – еще больше смутилась девушка.

Ей вдруг почему-то захотелось, чтобы этот добрый – несомненно, добрый! – странник поговорил бы с нею подольше, еще что-нибудь хорошее сказал, ведь добрых и хороших слов так мало в нашей жизни, куда меньше, нежели злых, уж это-то Анна-Мария давно по себе знала, мало кто с ней по-доброму говорил: дядюшка Бергам – тот все больше ворчал, местные деревенские ребята обзывались, она ведь для них приезжая, чужая. Правда, был там один мальчик по имени Себастьян, младший сын мельника...

– Ты слышишь ли меня, девица?

– А? – тряхнув головой, пастушка оторвалась от своих мыслей, даже сына мельника перед собой не представила – монах помешал, отвлек.

– Ты что же, спрашиваю, одна здесь? – Странник поправил на голове капюшон.

И как же не жарко-то? Наверное, Божье слово от жары спасает.

– Одна, – повела плечом Анна-Мария. – А что? Деревня-то наша близко, да и город недалеко.

– Вот-вот, недалеко... В Матаро-то всякого народу хватает. – Монах покачал головой, как показалось девушке, с укоризной, но и это пришлось собеседнице по душе – хоть кто-то проявил участие, побеспокоился, пусть хоть так, можно сказать, шутя.

– Ничего, – улыбнулась пастушка. – Места у нас тут спокойные, да все люди – свои.

– Хорошо, что свои. – Странник словно бы к чему-то прислушался, помолчал немного, а потом предложил: – Семечек хочешь? Хорошие семечки, сушеные, тыквенные.

Сняв с плеч котомку, пилигрим развязал мешок и опустил туда правую руку, как показалось девчонке, с каким-то странным лязганьем. Впрочем, мало ли что молодым девам иногда кажется? А этот монах – человек, по всему видно, хороший, добрый, – вишь, как с ней разговаривает, красавицей назвал, о жизни участливо справился, семечками вот угощает от всего сердца... Такому можно все рассказать, как на исповеди.

– Ну... угостите, святой брат.

Вообще-то, тыквенные семечки Анна-Мария не очень любила, и даже более – терпеть их не могла, особенно после того, как года три назад такое вот семечко попало на больной зуб, да так, что едва вытащила, потом пришлось к знахарке идти, зуб-то разболелся, зараза, заговаривать надо было.

Не любила девчонка семечки, а вот ведь подставила ладонь... и тут увидела вдруг глаза монаха – страшные, словно и не монах это был, а самый настоящий демон!

– Ай...

Вздрогнула Анна-Мария, только вот ни закричать, ни убежать уже не успела – левой рукой демон-монах крепко ухватил девушку за ладонь, выхватил из мешка правую... О Пресвятая Дева! Не рука то была, а сверкающая разящая сталь – перчатка с металлическими когтями, словно клыки злобного оборотня впившимися несчастной пастушке в горло.

Алая кровь густо оросила траву, и цветущие маки скрыли растерзанное тело Анны-Марии. У чернотала жалобно заблеяли козы.

* * *

Себастьян, или лучше уж просто Себ – на вид ему уж никак нельзя было дать больше шестнадцати, – оттолкнул веслом лодку, направляясь напрямик к небольшому омуту, где уж точно должна была затаиться крупная рыба – щука или, ежели очень повезет, сом, а то и угорь. Сдерживая азарт, Себ бросил весло и проворно насадил на крючок печенную на углях лягушачью лапку – неужто на такое-то лакомство да никто не польстится?

– Сам бы ел! – облизал рыбачок лапку. – Плывите, плывите, рыбки.

Поплевав для верности на крючок, Себастьян закинул удочку и принялся терпеливо ждать, неподвижно глядя на воду карими, блестящими от солнца глазами. Легкий ветерок, шевеля спутанные белокурые волосы мальчика, медленно, но верно сносил лодку к берегу, поросшему высоким камышом и дымчато-зелеными, клонившимися к самой воде ивами, похожими на кудри русалки.

Да, русалки. Говорят, они до половины – как юные девы... Вот бы посмотреть, а еще лучше – потрогать. Себ покусал губу и даже забыл об удочке, представляя, как вот прямо сейчас из воды вынырнет русалка – наполовину нагая юная златовласая дева... очень похожая на племянницу старика Бергамо, издольщика, о котором поговаривали, будто его предки когда-то были мувалладами, поклоняясь Магомету, а не Христу. Ах, Анна-Мария, Анна-Мария, как же ты все-таки красива... хоть все деревенские парни и утверждают обратное, а вот поди ж ты...

Оп! Кажется, клюнуло!

Покрепче схватив удилище, мальчишка привстал в лодке, дернул... наверное, все же слишком резко, так, что едва не полетел в воду. Крючок, конечно, оборвал, разиня, что уж тут говорить. Вот ведь незадача! И винить-то, главное, некого, кроме самого себя. Так ведь самого себя чего винить-то?

Делать нечего, придется лезть в воду.

Скидывая рубаху, Себ вдруг услышал, как рядом с его лодкой в воде что-то всплеснуло. Рыба? Ну а кто же еще-то? Вот всегда так! Всегда!

Хотя... никакая это не рыба, а рыбак! Во-он уселся на крутом бережку, надвинув на самые глаза войлочную широкополую – от палящего солнца – шляпу. Тоже закинул уду... И вроде человечешко-то незнакомый, нездешний. Тогда ж какого ляда ловит?!

– Эй, почтенный, послушайте-ка! – возмущенно заорал Себастьян. – Вы хоть знаете, кому принадлежит этот омут?

– Местной общине, я так полагаю. – Незнакомец невозмутимо поправил шляпу. – Мне сам староста разрешил.

– Староста разрешил? – Мальчишка подозрительно прищурился. – Так ведь мой отец, мельник, и есть здешний староста. Что-то он мне ничего такого не говорил.

– Не знаю уж, почему не говорил, – ухмыльнулся собеседник. – А только мы с ним еще с месяц назад о том договаривались, вот, у меня и расписка есть. Поднимайся, посмотришь. Заодно семечками тебя угощу. Любишь тыквенные?

Не таким уж и большим городом оказался этот хваленый Матаро – население тысяч семь, не больше, как определил для себя Егор, не город, а так, поселок городского типа... или, если на российско-административной фене, городское поселение. Но для Средневековья – вполне прилично: с десятков церквей (если считать и часовни), две дюжины ремесленных цехов, бумажные и сукновальные мельницы, уютная торговая гавань и даже небольшая верфь для строительства рыбацких и каботажных судов – шнек и баркасов. Центральный квартал близ церкви Святой Эулалии, как и полагается, украшали вполне приличные каменные здания – дома местных рикос омбрес, кабальерос и купцов. Улицы в том районе были довольно широкими и прямыми, пересекаясь точно под прямыми углами, что – как и остатки древней крепостной стены – неопровержимо свидетельствовало о происхождении города от римского военного лагеря, чем местная знать очень гордилась, выводя свое происхождение не иначе как от древних римлян.

В этом несомненно уютном и приятном для жительства городке князю и его разномастному воинству предстояло провести месяц, а то и два, а быть может, и больше – как бог даст и как военная карта ляжет.

Как и любой честно отслуживший в армии человек, Вожников прекрасно помнил простую истину: у хорошего командира солдаты от безделья не маются! В таком плане сейчас

и действовал, сразу же нагрузив на своих воинов кучу самых разных дел, начиная от гарнизонно-караульной службы совместно с городской стражей и заканчивая ремонтом дорог.

Вместе со всем этим прерогативы местной выборной власти – кортесов – император никаким сомнениям не подвергал, а, наоборот, всячески поддерживал, с подчеркнутым уважением относясь ко всему муниципальному чиновничеству, отличавшемуся весьма скромными нравами и неким понятием корпоративной чести – последнее вообще было в Средневековье в ходу.

Все это: и выборная муниципальная власть, и четко прописанные законы, и уважение к бюргерству – отнюдь не было характерно для всего Арагона с его заплесневелой провинциальной отсталостью, когда только один город на свете – столица, а других словно и нет... Слава богу, Каталонии это не касалось – у арагонских королей, выходцев из барселонских графов, хватало ума не лезть в местные дела. И пускай насмежаются кастильцы, пусть скалят зубы дворяне-овцеводы Месты, однако идущих из Каталонии вполне законных налогов с лихвой хватало на содержание всего арагонского двора.

Местные власти, конечно же, в любой момент ждали подвоха, однако князь не совершал на городские вольности никаких поползновений, что же касалось платежей Арагону, тут было сказано просто: сколько платили Сарагосе, столько же будете императору, ни больше ни меньше, а именно так. На содержание войска – вполне хватало. Все городские указы Егор тут же подтвердил в письменной форме, скрепив большой императорской печатью Германии и Руси.

Что же касается местной юстиции, то, конечно же, император потребовал – и беспрекословно получил – высшую юрисдикцию, отправив своих полномочных представителей во все городские суды, включая квартальные. Так что и с этой стороны все было сделано мудро – не подкопаешься, да и кто б осмелился под князя копать?! Разве что кастильцы. Впрочем, похоже, и побитый Альфонсо Арагонский тоже затаил зло. По мнению Егора – зря. Подумаешь, получил по сусалам! За дело, между прочим, – сам ведь и выпросил. Вообще же с королем Альфонсо следовало не воевать, а мириться, используя Арагон в качестве противовеса усиливающемуся влиянию Кастилии. Кастилия и Арагон, Португалия и Наварра – естественно, Вожникову вовсе не нужна была большая и чересчур амбициозная Испания, вполне достаточно было бы этих четырех королевств. Гранадский эмират – последний мусульманский анклав на полуострове – Егор пока всерьез не рассматривал, слишком уж тот был слаб. Хотя ведь существовал, и это – при Реконките! Но не доходили пока руки...

* * *

– Государь, можно войти ли? – прогоняя последний сон князя, в двери осторожно постучал воевода Онисим Раскоряка.

В европейском платье с облегающими мощные ляжки шоссами и в башмаках с задиристо загнутыми носами он смотрелся настолько комично, что Вожников поспешно отвернулся, чтоб не расхохотаться воеводе в лицо – не хотелось зря обижать хорошего и верного человека. Хотя при виде важно вышагивающего Онисима так и хотелось выкрикнуть фразу из старинного детского фильма «Город мастеров»: «Дорогу герцогу де Маликорну!»

А, кстати...

– Господине...

– Слушай-ка, Онисим, а ты у меня еще не герцог?

Набычившись, воевода засопел в бороду:

– Из детей боярских мы. Люди не гордые.

– Знаю, знаю, что из детей.

Вскочив с лавки, князь подошел к окну и пошире открыл ставни, выходившие, как тут и было принято, во внутренний двор с прудом и изысканным садом. Предоставленный импера-

тору особняк когда-то принадлежал какому-то местному гранду, погибшему то ли в стычках с гранадскими маврами, то ли в лихом набеге на богатые магрибские города. Бедолага не оставил наследников и наделал много долгов – считающийся выморочным имуществом дом нынче принадлежал муниципалитету, и сам господин городской алькальд грозился выставить особнячок на торги... да что-то не выставлял, чему теперь имелось вполне законное оправдание: а как же, дом-то самому императору предоставлен, не какому-нибудь там прохвосту!

– Значит, не хочешь герцогом. – Егор, не оборачиваясь, вдохнул полной грудью терпкий запах роз и даже закрыл на секунду глаза от восторга. – Жаль, а я тебе, Онисим, Жирону отдать собрался.

– Ну, если больше некому, – воевода вздохнул и тоже подошел к окну. – Тогда можно и Жирону... А лучше б что-нибудь дома – семья ведь там у меня, под Путивлем.

– Так Путивль и бери! – обернувшись, усмехнулся князь. – Тамошний воевода вороват зело.

– Так Юрий, князь...

– А Юрий князь то, что я велю, сделает! – Резко взмахнув рукой, Егор прислушался и вдруг скривился, словно от зубной боли: – Этот кто там так орет? Пытают кого-то, что ли?

– Пытают? Так ты, княже, вроде не велел. – Онисим высунулся в окно и рассмеялся: – А! Это ж кавалер Сен-Клер с приятелями песни распевают! Вторую неделю уже, как из разъезда вернулись... теперь то вина попьют, то снова попьют, потом поспят малость, да к девкам, да опять вина...

– Сопьется этак Арман, – посетовал князь. – Жаль, парень-то хороший. Вот что – зови-ка его сюда! Дело у меня для вас обоих будет. Инквизитор местный к вечеру заглянет, монах доминиканский... как его?.. Ах да, брат Диего, председатель местного церковного суда – вот вы при нем для пригляду и будете.

– Но, княже...

– Толмача вам сыщу, точнее – Арману. А уж он тебе потом сам переведет. Ну что, Онисим, встал-то? Давай, зови Армана...

* * *

Вопреки всем ожиданиям князя, инквизитор, брат Диего де Лос-Сантос, оказался милым и вполне начитанным человеком, знающим несколько языков, в том числе арабский и немецкий, точнее, тот его диалект, на котором говорили в Южной Германии – в Швабии, Баварии и Каринтии. Этим диалектом неплохо владели и сам Егор, и его доблестный воевода, за которого князь откровенно порадовался – со знанием-то хоть какого-то языка куда легче будет работать.

Высокого роста, несколько сутулый, но не слишком, с приятным, несколько суховатым лицом университетского профессора и рассеянным взглядом небольших, но весьма выразительных глаз, брат Диего представлял собой тот ныне полузабытый тип интеллигента, которого, наверное, можно бы было назвать рафинированным, если бы не эта вот должность инквизитора, на которую кого попало не назначали. Значит, зарекомендовал себя «профессор», пытал, наверное, кого-нибудь, сжигал пачками молоденьких симпатичных ведьм.

К людям князя доминиканец отнесся без особого восторга, однако и никакой неприязни не выказал, лишь, пожав плечами, молитвенно воздел очи к небу – мол, на все Божья воля – да назначил время на завтра:

– На рассвете, сразу после заутрени, и приходите. Знаете, где наш монастырь?

Егор всегда интересовался ведьмами – начиная с недоброй памяти бабки Левонтихи, – вот и в этот раз, услышав от воеводы о некой «колдовской девице», насторожился. Не то чтобы Вожникову так уж хотелось вернуться в свое время – здесь давно уже было что терять, – но... но все же тянуло, тянуло! Телевизор посмотреть, залезть в социальную сеть, на джипе поездить...

как там, кстати, пилорамы-то? Наверное, пришел давно новый хозяин... или хозяева. Да какая разница! Хоть одним глазком взглянуть бы... расслабиться чуток – и назад, здесь вон сколько дел еще важных! И – красавица-жена, дети... народ, за который тоже ответственность нести надо!

И все же... и все же сильно влекли к себе князя ведьмы, можно сказать, словно магнитом тянули. Вот и сейчас...

Услышав о ведьме, Егор озабоченно начал ходить по горнице, потом в сопровождении воеводы и шевалье де Сен-Клера спустился в сад. Там, присев на скамеечку под какой-то пальмой, в задумчивости выкушал кувшинчик вина – не один, на троих и раздербанили, – и заставил докладчиков рассказать все в подробностях. Слушал внимательно, почти не перебивая, кроме всего прочего, опасаясь, что сильная ведьма вполне может убрать его способность предвидеть опасность, как это получилось года два назад, в Аугсбурге.

В Аугсбург, кстати, необходимо было срочно послать гонца – к давнему компаньону Егора, банкиру Гансу Фуггеру, с помощью князя превратившемуся в денежный мешок Европы. Нынче казалось вовсе не лишним посадить пиренейские королевства на крепкий финансовый крючок, с которого они б не смогли слезть при всем желании... да вряд ли такое желание и появится.

– Так вот, – пригладив бороду, продолжал воевода, – эту ведьму зовут Аманда, совсем еще молодая девка, голодная, тощая...

– Очень красивая девушка, я бы сказал, – торопливо добавил уже кое-как понимавший русскую речь шевалье де Сен-Клер. – Златые волосы, карие, чувственные глаза... но – да, худовата. Ее бы подкормить, ах...

– Ну, хватит, размечтался, – Вожников засмеялся, постукивая пальцами по опустевшему кувшину.

Сей жест ушлый нормандец понял по-своему – тут же вскочил со скамьи, вытянулся:

– Принести еще вина, сир?

– Крикни слуге, пусть он принесет... Мы же с вами продолжим. Так в чем обвиняли ту девушку?

– В колдовстве, вестимо. – Онисим Раскоряка откашлялся. – На суд видоки вызваны были. Показали, дескать, глазами своими видели, как волхвовала девка: варила из всякой гадости приворотное зелье, порчу почем зря напускала, а однажды – а может, и не однажды – даже вызвала ураган! От того урагана запустенье здесь страшное было, насилу оправились.

– Так-та-ак, – покивал Егор. – Ураган, значит... А брат Диего небось пытать колдунью велел?

– А вот ничего подобного, сир! – Шевалье де Сен-Клер хлопнул себя ладонью по коленкам, меленьким, узким, каким-то детским... впрочем, у всех французов в то время именно такие коленки и были, достаточно зайти в Париже в музей армии в Доме инвалидов да полюбоваться на доспехи.

– Не только пытать ведьму наш славный христовый брат не велел, но еще и обидно смеялся над видоками!

– Смеялся?

– Так и говорил: мол, я, доктор богословия и университетский профессор, не умею вызывать ураган, а какая-то глупая деревенская девка – умеет? Видоки, конечно же, устыдились.

– А что за видоки были? – принимая почтительно наполненный подошедшим слугой кубок, осведомился Егор. – Ну! Чокнемся, други! За нас и за наше дело!

– Аминь!

– Четверо всего, двое не смогли по болезни добраться. – Пояснив, воевода поставил опустевший кубок на край скамьи, и проворный служка тут же наполнил его красным игристым

вином, по вкусу напоминавшим что-то среднее между божоле и портвейном. Такое... кисло-сладкое, но пить приятно.

– Три бабы в видоках да один мужик...

– А бабы-то красивые хоть? – Вдохнув запах роз, князь с необъяснимой тоской посмотрел в небо, голубое, высокое, с белыми, медленно плывущими облаками, похожими на призрачные замки и ватные горы. А вон то, над шпилем собора, – на женщину! Да-да, на женщину – как будто она прилегла на спину, вытянув ноги – вон голова, волосы, пышная грудь...

– Красавиц, с позволения сказать, я там не видал, сир, – подал голос нормандец. – Ну, кроме самой ведьмы – уж та-то красавица. Ах, если б вы только видели ее, ваше величие! Пусть и грязна, худа, в отрепьях и под глазом синяк – крестьяне ведь ее чуть не убили, прежде чем доставить доминиканцам. Видать, крепко им насолила... особенно тем некрасивым бабисшам... наверное, не одного мужика свела.

Вожников хохотнул:

– Ага, вот в чем дело! Я почему-то так и подумал... раз уж красивая.

– Да уж, сир! Какая женщина чужую красоту потерпит?

– Много ты знаешь про женщин! Так что же – обвинения с ведьмы сняты?

– Не совсем так, господине, – покачал головой воевода. – Ураган – да, сняли, а вот ведовство, привороты... Брат Диего велел ее пока в подвал посадить, чтоб не сбежала!

– Угу, понятно, – кивнул князь. – Значит, мерой пресечения избран арест. Я так полагаю, до конца следствия.

– На завтра еще видоки вызваны, – вспомнил Онисим. – И еще, княже, инквизитор сей тебя на допрос приглашал – мол, раз уж великий император за всем лично приглядывает, во все вникает...

– Схожу! А чего ж? – Решительно махнув рукой, Вожников обернулся к слуге, и тот быстро наполнил кубки. – На заседании городского совета я уже был, в кадастровой комиссии председательствовал, даже прослушал курс берегового права... Теперь вот инквизиторский суд... верней – следствие. Чего бы нет-то? В какое время?

– Сразу после обедни.

– Ну вот. И выпасться успеем вполне. Так что, друзья мои, – выпьем!

* * *

Вне всяких сомнений, пристальное внимание князя нынче привлекла бы любая ведьма, вполне возможно, подосланная врагами – теми же кастильцами или обидчивым арагонским королем Альфонсо. Подосланная с целью околдовать императора или лишить его волшебного дара, о котором Вожников, конечно же, не распространялся, но ведь ведьма на то и ведьма, чтобы все знать, ведать. Тем более эта, как говорят, красивая... Впрочем, сие вовсе не главное... хотя как – не главное? Чего уж перед самым собой-то лукавить – скучно без женщин, тоскливо, томительно и совсем неправильно. Ну и что, что женат! Жена-то где? За морями, за долами, а тут... дожил – даже в облаках и там бабы мерещатся!

* * *

Брат инквизитор встретил императора со всей почтительностью, однако без перебора – не лебезил, не славословил и лишний раз не кланялся, просто пригласил отобедать в монастырской трапезной, а уж затем перейти к делу. Монашеский обед оказался весьма простым, но сытным и вкусным: жареная рыба, несколько видов ухи да заправленная шафраном и конопляным маслом каша. Поели быстро и спустились в подвал, где был оборудован кабинет для допросов, выглядевший, надо сказать, вполне солидно и устрашающе: гулкий сводчатый пото-

лок с маленьким, забранным частой решеткой оконцем, чадающие факелы, развешанные на стенах орудия пыток – всякие там клещи, кнуты. Да, имелась и дыба, как же без этого? В дальнем углу виднелась небольшая жаровня, нынче – ввиду стоявшей на улице жары – без углей. Длинный, обитый темно-зеленым бархатом стол – для следователей – располагался сразу напротив входа, рядом, в углу, примостился столик, за которым, поигрывая гусиным пером, уже ждал секретарь – монах с добрым круглым лицом и смешной бородавкой на самом кончике носа. Еще двое помощников – дюжие парни-послушники с подозрительно закатанными до локтей рукавами – ошивались возле дыбы и пыточных инструментов.

Когда вошло высокое начальство, помощники разом поклонились и вытянулись в струнку, всем своим видом выказывая готовность к немедленным следственным действиям.

– Прошу вас, эксцеленц. – Брат Диего почтительно предложил князю и его спутникам место за главным столом и сам уселся рядом, с некой нервозностью потирая ладони. Этого своего нетерпеливого жеста, впрочем, доминиканец тут же устыдился и, положив руки на стол, приказал привести свидетелей. – Они явились ли, брат Эгон?

– Да-да, – поспешно закивал секретарь. – Все явились. Попробовали бы не прийти!

Инквизитор махнул помощникам:

– Давайте их по одному сюда. Да! Где протоколы допросов? Их же в деревне алькальд опрашивал... Неужели протокол не вели?

– Вели, брат мой. – Вскочив с места, брат Эгон – монах с бородавкой и добрым лицом – почтительно положил на стол исписанные аккуратным почерком бумаги.

Между тем помощники привели первого видака – расплывшуюся, словно пивная бочка, женщину с землистым лицом и нехорошим взглядом.

– Эужения, супруга лодочника Жузепа Крадомы, – громко пояснил секретарь.

– Храни вас Святая Дева, господа мои. – Опасливо косясь на доминиканца, женщина принялась кланяться с таким упорством, будто долбила киркой каменную гору, так что помощникам инквизитора стоило немалых трудов усадить сию осанистую госпожу... Нет! Никакую не госпожу – обычную крестьянку, хотя и, судя по мону и шелковой красной жилетке, отнюдь не бедную.

– Значит, ты – Эужения?

– Эужения, мой господин, так...

– Зови меня брат Диего или просто святой брат, – слегка поморщился доминиканец и продолжил, пододвинув к себе протокол и попросив секретаря зажечь свечи, что тот и исполнил со всей почтительностью и проворством. – Эужения, – инквизитор откашлялся. – Позволь, я спрошу тебя кое-что и кое-что уточню, поскольку мне не совсем понятно, что ты говорила алькальду.

Оглянувшись на стоявшего позади толмача, монах сделал паузу, вполне достаточную для перевода с каталонского на немецкий. Он и потом не забывал делать паузы, и князь проникся к инквизитору большим уважением... не только из-за этих пауз, но и вообще.

– Итак, расскажи еще раз, как все было... Тот случай, когда ведьма, как ты говоришь, избила тебя.

– Да так все и было, святой брат. – Женщина нервно поскребла рукой щеку. – Как я и рассказывала уже нашему старосте, господину Скварону. Ой, он такой хороший человек, такой хороший, вот, помнится, третьего дня...

– Не отвлекайся, женщина! Говори по существу дела. Вот ты застала ведьму за колдовством, она это заметила, и что дальше?

– Эта сучка... ой...

– Говори, говори, Эужения, только постарайся без ругательств, ты ж в святой обители все-таки!

– Ой, святой брат... извините. Просто попутал бес! Ой, прости меня, Святая Дева! Так вот она, эта ведьма, налетела на меня и начала бить, а потом...

– Постой! – перебил инквизитор. – Объясни, что значит «налетела»? Прямо по воздуху?

– Да нет, святой брат... просто выбежала и набросилась с кулаками, отдубасила... ой!

Брат Диего сдержал усмешку:

– Говори конкретно, женщина. Как именно, чем, куда и сколько раз ведьма тебя ударила?

Кто еще все это видел?

– Да моя подруга и видела, святой брат, вы ее знаете – племянница нашего мельника, Бенедетта. Ой, это такая славная женщина, такая славная, вот, помнится, в прошлом году...

– Эужения! Мы про удары говорим.

– О, святой брат... простите. Я уж и не помню, куда она била да как.

– Совсем-совсем не помнишь?

– Не-ет...

Доминиканец спрятал усмешку и, покосившись на князя, прищурил левый глаз:

– Ты ведь сильная женщина, Эужения... вон какая вся! Неужто дала себя побить какой-то соплячке?

– Ха-ха, святой брат! Да как же, дала! Так ее отходила – небось до сих пор, бедная... ой!

– Та-ак... А где все происходило?

– Да на ее же дворе и происходило, на ведьмином.

– А ты там как оказалась... и подруга твоя, Бенедетта?

– Так зашли же, святой брат! Думали вывести колдунью на чистую воду.

– Угу, угу... Значит, незаконно проникли на чужой двор. Ладно, с этим деянием пусть ваш алькальд разбирается... Брат Эгон, – инквизитор повернулся к секретарю, – выделите дело о проникновении в отдельное производство и перешлите тамошнему алькальду... Так, а мы вернемся к колдовству! Что именно делала ведьма в тот момент, когда вы к ней вошли?

– Колдовала, что же еще-то, святой брат?

Вожников только диву давался, насколько умело и лихо вел следствие брат Диего! Кстати, все специфические слова и фразы, произнесенные инквизитором по латыни – «незаконное проникновение», «деяние», «отдельное производство», – были очень похожи на современные Егору, словно дело происходило в кабинете обычного следователя или дознавателя, в крайнем случае – участкового. Очень, очень похоже... что и понятно, источник-то один – римское право.

– Какие именно колдовские действия ты заметила лично?

– Ой... – Эужения снова почесала щеку. – Да я лично ничего такого не видела... но знала точно – колдует!

– Откуда знала?

– Да все об этом в деревне говорят, святой брат. Она давно колдует, это всем известно.

– Нас пока интересует данный конкретный момент! – повысил голос монах. – От кого именно ты об этом узнала?

– Дак это... булочник наш, Фиделино, сказал. Сказал, мол, что видел – колдует...

– А конкретно?

– А кон... кор... Ничего такого больше не сказал.

– Ладно, спросим у булочника. Итак, ничего конкретного ты, Эужения, не видала... просто проникла на чужой двор, и потом началась драка... Пока с тобой все, иди, во дворе посиди. Брат Эгон! Давайте сюда Бенедетту.

В отличие от своей дородной подруги, Бенедетта оказалась особой длинной, костистой и жилистой. Правда, был в этой далеко не молодой уже – лет тридцати пяти – женщине какой-то особый шарм, отчего узкое смуглое лицо ее с длинным и тонким носом и тощая жилистая

фигура вовсе не казались отталкивающими, наоборот, притягивали. Общему впечатлению не мешал даже пушок над верхней губой. К тому же роскошная ярко-рыжая шевелюра! Ах...

Даже брат Диего – монах! – и тот восхитился:

– Ты красивая женщина, Бенедетта! Сожалею, что вдова. Муж твой давно ли умер?

– Да года три уже, святой брат. С тех пор вот вдовствую.

– И на что живешь?

– Зеленью, святой брат, торгую. С детьми вместе выращиваем, кое-что в полях собираем, на рынок сюда, в Матаро, на тележке возим – тем и живем.

– И лошадь у вас имеется?

– Мул. И еще – ослик.

– Ах, как славно, ослик... Зеленью, значит, торгуете. Замуж так больше и не вышла?

– Увы, святой брат.

– Это плохо, что не вышла. Нельзя такой женщине без мужа.

– Я и сама, брат Диего, понимаю, что нельзя. – Бенедетта вздохнула и тут же стрельнула глазами с такой искренней заинтересованностью, что князь непроизвольно вздрогнул.

Впрочем, томный взгляд рыжеволосой красавицы уперся вовсе не в него и не в брата Диего, а... в воеводу Онисима Раскоряку, отчего сей славный воин почему-то набычился и покраснел.

– Мне бы такого мужа, как вон тот сеньор, – еще раз вздохнув, откровенно призналась женщина. – Осанистый, крепкорукый...

Инквизитор чуть улыбнулся:

– Что же, в вашей деревне таких нет?

– У нас не деревня, брат Диего, – неожиданно обиделась Бенедетта. – Очень большое селение – двадцать домов! Две мельницы, опять же, пекарня, пристань...

– Да-да, пекарня, – доминиканец охотно покивал. – А что ваш булочник, он ведь тоже вдовец, кажется?

– Да, вдовец, и детушек Бог не дал. – Женщина задумчиво покрутила на пальце локоны, на узком лице ее вдруг появилось некое странное выражение – то ли разочарование, то ли глубоко спрятанная печаль, – не ускользнувшее от внимания следователя.

Он тут же снова о булочнике и спросил.

– Да что сказать? – Поведя плечом, свидетельница опустила глаза, прикрыв их длинными и густыми ресницами, и голос ее, до того звонкий, вдруг потускнел, словно звон треснутого колокола. – Да, я как-то пыталась сойтись с Фиделино. Человек он хороший, добрый – часто паломникам хлеб раздает, да и грубого слова от него никто не слышал. К тому же труженик, как никто – не только булки печет, еще и плотничает... Только вот... – Бенедетта вдруг вскинула голову, посмотрев на всех с неким вызовом, который могут себе позволить лишь красивые женщины, спокойно осознающие свою красоту. – Не любит он никого. Думаю, что и покойную супругу свою тоже не любил.

– Ну... не любит – полюбит, дело такое, – усмехнулся святой брат.

– Да если б так, брат Диего! Тут не только в любви дело... Он же как мужчина... ну... – Свидетельница неожиданно смутилась, но все же продолжила: – Я же говорила, что пыталась с ним... Так он меня оттолкнул с таким ужасом, будто увидел перед собой змею!

– Оттолкнул? Тебя? – Сидевшие за столом недоуменно переглянулись.

Оттолкнуть такую женщину... тем более, которая хочет сама...

– Так, может, он содомит? – вслух предположил князь. – Мальчиков любит или мужчин?

– Нет! – Бенедетта трянула огненно-рыжими локонами. – Просто наш булочник всех... ну... таких, как я... женщин считает отродьем дьявола! Святоша – так его у нас и кличут, посмеиваются. Нет, правда! Но есть ведь на свете и иные мужчины, которые... – Женщина замолчала, не договорив, и снова посмотрела на воеводу.

– Вот зыркает! – прошептал тот. – Такая с ума сведет кого угодно. А вот булочника, поди ж ты, не смогла. Ну и булочник у них... какой-то не от мира сего, что ли.

– Ты что-то хотела сказать, Бенедетта? – напомнил брат Диего. – Ну, продолжай же, не бойся!

– А и скажу! – пожала плечами Бенедетта. – Похоже, к колдунье нашей, Аманде, Фиделино неровно дышит.

– Похоже? Почему?

– Да видела я пару раз, как он стоял у ее забора... а ведь дом его совсем в другой стороне, – женщина усмехнулась. – И главное, он меня тогда заметил, ну, Фиделино, сразу как-то смутился да быстрым шагом ушел, даже не поздоровался, вот тут и думай...

– Вижу, Аманда ваша многих с ума свела.

– Да не многих – молода еще! – с какой-то неожиданной ненавистью выкрикнула Бенедетта. – И не наша она – чужачка, из Калельи откуда-то, сирота. Родичи ее в нашем селении жили, да померли, а домишко оставили ей. Повезло дурехе! Но, правду сказать, девица она чистоплотная, двор всегда выметен... почти... Чистюля-то чистюля, а вот, когда мы приходили, у самых ворот валялась шелуха тыквенных семечек. Может, правда, и принесло ветром, не знаю.

Доминиканец вдруг улыбнулся:

– А хорошо вы ее с подругой своей отдубасили!

– Да уж, – посветлела лицом рыжая. – На славу намяли бока!

– Как же она к вам вышла-то? Такая дура?

– А что нам ее звать-то? Выволокли за волосы во двор да отпинали... ой! А нечего чужих мужей сманивать!

Поняв, что попалась, последнюю фразу Бенедетта выкрикнула с вызовом, громко, а уж глазами сверкнула так, что Егор даже пожалел несчастную ведьмочку.

– Так-так, – следователь, конечно же, не упустил момента, – а ну-ка о мужьях поподробнее! Я так понимаю, о Жузепе, лодочнике, супруге подруги твоей, Эужении, речь идет?

– О нем, – спокойно кивнула женщина. – Чего уж тут скрывать-то. А дело так было: Жузеп как раз шапку потерял, хорошую шапку, кожаную, да не в этом дело, а в облатке, что в шапку вшита была, Эужения и вшила. Не простая облатка, от самой Пресвятой Черной Девы, у паломников куплена с горы Монтсеррат.

– Ого! – брат Диего восхищенно цокнул языком. – Вещь добрая.

– Так и я ж говорю! Была бы простая шапка, а так... жалко все-таки. Я в этот день в гости зашла к подруге, там и булочник был, Фиделино, – заказанный пирог принес. Шапку эту – облатку! – за разговором и вспомнили, так булочник возьми да и скажи: мол, какую-то шапку на заборе у Аманды-знахарки видел – там, мол, и висит. Ну, мы собирались недолго... Шапку-то там и нашли! Издалека еще увидали...

– Понятно все с вами. – Инквизитор махнул рукой и, отправив Бенедетту во двор, наконец велел привести ведьму.

Юная колдунья не произвела на Вожникова абсолютно никакого впечатления. Памятуя слова Сен-Клера, он ожидал большего, даже некоего подобия чуда. А оказалось – обычная девчонка, да, златовласая, с карими глазками и недурна собой, очень даже недурна, однако таких девчонок – море! Стройненькая, но грязная, заплаканная, а под левым глазом расплывался синяк, словно у набедокурившего мальчишки, – и жалко, и смешно. Тоже еще – дама.

– Ты, значит, девица Аманда? – с ходу уточнил брат Диего. – Обвиняемая нынче в колдовстве?

Услыхав такое, девушка с испугом подняла глаза, полные слез и боли.

Бегло просмотрев лежащие на столе бумаги, судя по желтоватому цвету, произведенные на местных мельницах, инквизитор махнул рукой:

– Ну, что стоишь? Раздевайся!

– Вы... вы будете меня пытаться? – со страхом спросила ведьма.

– Да нет, для начала осмотрим. Давай, скидывай живо свои лохмотья! – Доминиканец нетерпеливо хлопнул в ладоши. – Или тебе помочь?

– Нет-нет, я сама...

Не прошло и пары секунд, как юная ведьма стояла перед следователями голой, стыдливо опустив голову и прикрывая руками лобок.

– Подними руки, – тут же велел брат Диего. – Да не бойся, нас вовсе не интересует твое естество. Выше подними... вот так. Теперь повернись спиной... боком... Ну, – инквизитор повернулся к высокому гостю, – что скажете, сир?

– Похоже, ее сильно избили, – тихо промолвил Егор, с жалостью глядя на покрывавшие почти все девичье тело ссадины и синяки.

Никакого удовольствия от подобного осмотра он что-то не испытывал... впрочем, как и все.

– Да, – кивнул монах. – Те женщины нам не соврали... точнее – все-таки мы дознались правды. Можешь опустить руки, Аманда. Теперь вдохни... глубже!

Девичья грудь приподнялась – и тут же послышался стон.

– Больно?

– Да, святой брат.

– Где именно болит, покажи!

– Вот здесь... и здесь, под грудью, – девушка безропотно показала рукой.

– Думаю, сломано ребро, а то и пара, – задумчиво покусав губу, промолвил доминиканец. – А синяки на запястьях, конечно же, от наших кандалов. Перестарались!

– Могу я уже одеться, святой брат?

– Да, одевайся... Посидишь пока у нас. Братья, – инквизитор подозвал своих дюжих помощников, – принесите ей обед из трапезной, а на ночь поставьте кувшин с водой. И постелите свежей соломы. Да не заковывайте больше ее, это лишнее.

– Благодарю за вашу доброту, святой брат, – вместе с одеждой к юной ведьме вернулась уверенность. – Могу я спросить кое-что?

– Ну спроси, Аманда.

– Меня обвиняют в колдовстве, так?

– Да, – кивнул следователь. – Ты верно мыслишь.

– Значит, мне предстоят пытки и смерть на костре? – В блестящих больших глазах узницы цвета слегка разбавленного молоком шоколада мелькнуло странное выражение ужаса и – одновременно – надежды. Впрочем, похоже, надеждам колдуньи, увы, сбыться было не суждено. Да инквизитор и не стал особенно обнадеживать:

– Насчет пыток скажу тебе так – я на них не особо рассчитываю, человек слаб и вполне может оговорить себя и других, а это нам вовсе не надо. Нужна правда – именно для того и ведется расследование. Если ты просто знахарка – это одно дело, если же ведьма – а основания предполагать такое, скажу тебе, есть, – совсем другое. Будем разбираться.

– Да поможет вам в этом Бог, святой брат!

Колдунью увели, и брат Диего, чуть прикрыв глаза, улыбнулся, довольно и слабо, как человек, изрядно уставший от честного и нужного всему обществу дела:

– Мы с вами неплохо поработали, господа, – отделили зерна от плевел. Брат Эгон! Отправь их алькальду дело...

– А как его назвать, брат Диего?

– Хм... назови так: «О причинении телесного ущерба девице Аманде двумя установленными женщинами, случившееся на почве обострившихся неприязненных отношений». Записал?

– Да, святой брат.

– Ну, отправляй. А завтра, наконец, займемся нашим непосредственным делом – колдовством. – Потерев руки, брат Диего посмотрел на князя: – Не сомневайтесь, дон Георгио, все будет сделано с надлежащим тщанием и в срок. Колдовство – это не какая-нибудь там драка, особого подхода требует. Хотя я вовсе не верю в ведьм! – неожиданно огорошил доминиканец. – Как, скажем, не верил в них знаменитый богослов Григорий Турский или иные отцы церкви. Думаю, и папа Мартин тоже не верит, однако... Мы не верим, а люди верят! И мы, церковь, должны это учитывать...

– Поощрять тупые сельские суеверия? – не сдержавшись, съязвил Егор.

– Можно и так сказать, – инквизитор ничуть не обиделся. – Кто б еще посоветовал, что со всем этим мракобесием делать? Священники и те часто неграмотны, что уж говорить о пастве.

Князь пожал плечами: что делать, он и сам не знал, как-то на эту тему еще не раздумывал, не до того было. Однако из своего личного опыта точно знал – есть, есть ведьмы! Вот только девчоночка эта, Аманда, вряд ли к ним отношение имеет – обычная сельская знахарка, правда, чересчур симпатичная... даже если и выпустят, не будет у нее в той деревне жизни! Просто не дадут, заключают, если замуж не выйдет... а за кого выйти-то... да и кто безродную бесприданницу возьмет? Хотя, с другой стороны, не совсем бесприданница – дом у нее... Интересно, в каком состоянии только?

– А это что еще?

Князь остановился у двери и обернулся, услышав удивленный возглас доминиканца. Тот нашел еще какие-то бумаги, вчитался...

– Это прислал все тот же алькальд, – пояснил брат Эгон. – Ну, которому мы все отправляем.

– И что тут? – инквизитор поднял глаза. – Ну, загрызли волки рыбачка, овец да пас-тушку... жалко, конечно, девчонку... И рыбачка того жалко. Но, ради Святой Девы, мы-то тут при чем?

– Просто алькальд не думает, что это волки, – тихо произнес секретарь. – Он полагает – в округе завелся оборотень.

– Оборотень? – брат Диего изменился в лице. – Он там совсем с ума сошел, алькальд этот?

Глава IV

Танцующие эвридики

Ах, как они танцевали, как пели, как извивались смуглые гибкие тела под томительно-волшебную музыку, исходившую, казалось, из самых небесных сфер! И все эти танцы, танцовщицы, музыканты были для него – князя!

Два барабана, свирели, бубны и лютня, и чудесная мелодия томно обволакивала мозг, а полунагие девушки танцевали, то приседая, то кружась, а вот, упав на колени, разом склонили головы, доставая волосами пол, и тут же вскочили на ноги, побежали, размахивая руками в такт барабанам и бубну. Ох, девы, девы, танцующие эвридики!

Эти нагие восточные танцы напомнили Вожникову Орду: знаменитую танцовщицу Ай-Лили с ее «кордебалетом» и даже саму царицу, великую ханшу Айгиль, ставшую правительницей с помощью и по слову великого князя.

Девушки двигались так же, как и те, в Новом Сарае, столь же томно и страстно. Эти смуглые гурии, готовые завлечь в свои сети любого вменяемого мужчину, словно упали своим танцем прямо на сердце Егору, вызвав цепь воспоминаний, приятных и не особо, но тем не менее князю хотелось вспоминать. Восток... Орда... Как много оказалось связано с этим в его здешней жизни! Айгиль, Ай-Лили... да что там говорить – сама княгиня Елена! Не ордынский плен – так и не встретились бы... Значит, и тут Восток, восточные ритмы, напевы, без которых ничего не было бы... Играй, играй флейтист! Бейте, барабаны, звените, цимбалы и бубны! Пой, лютня, пой, расскажи до конца свою историю волшебной и неземной любви, ибо о чем еще могла бы быть эта история, выраженная в этой чарующей музыке, танце и томных взглядах прекраснейших гурий, словно сошедших с каменной патоки Альгамбры, одного из прекраснейших дворцов гранадского эмира Юсуфа ибн Юсуфа, приславшего столь дивный подарок «великому правителю далеких полных стран».

Смешно звали эмира – Юсуф ибн Юсуф, или, как посмеивался про себя Вожников, вспоминая старинный фильм, Бурухтан-Бурухтан Второй-Второй. Поглощенный интригами кастильцев и возможными кознями Арагона, князь как-то совсем забыл о Гранаде, последнем исламском анклав на Пиренейском полуострове, колдовской стране цветущих апельсиновых садов, резных мечетей и сладкой гаремной неги, населенной маврами, берберами, мувалладами, мосарабами и сефардами. Гранада... Анклав, на который давно никто не нападал, без чего Реконкисту – отвоевание христианских земель – нельзя было считать законченной. Не завоевали... ни кастильцы, ни Арагон – наверное, у них и между собой поводов для раздора хватало, а может быть, Бурухтан... то есть Юсуф, подсутился – эмир, говорят, хитрый. Еще бы не хитрый, вон каких девок прислал! Гурии. Как есть, гурии.

А муваллады кто? Еврей? Нет, это сефарды – еврей, а муваллады – местные, принявшие когда-то ислам... скорей, их предки приняли. Те же христиане, что жили – живут сейчас в Гранаде, – это мосарабы. Интересно, кто эти девушки? Христианки? Наверное, так – мусульманки бы не открывали столь бесстыдно лицо... Впрочем, перед императором, наверное, можно...

Хотя тут сейчас и кроме Егора много кого собралось из верных соратников – сидели, рты раскрыв! Тот же Этьен де Виньоля – скромник Ла Гир, – ишь, как уставился, да и Осборн, командир лучников, – можно подумать, никогда женщин не видел! Что уж говорить о наемниках – Фьорентини, фон Шельзе, Вексберге и всех прочих немцах! Так и пялились...

И князь счел за лучшее убрать девчонок подальше. Просто поднялся на ноги да хлопнул в ладоши:

– Все! Идите, красавицы, отдыхайте. А вы, друзья мои, – Егор повернулся к собравшимся за длинным столом гостям, – прошу, поднимите кубки. Я смотрю, вы что-то про них забыли, а?

– Забудешь тут... – облизав пересохшие губы, прошептал сидевший поодаль Сен-Клер. – Такие чудесницы... А, господа мои, давайте за женщин выпьем! За наших женщин – за жен, за любовниц... за всех!

– Славный тост, – с улыбкой похвалил князь. – За женщин всегда стоит выпить.

Звякнули кубки, и терпкое вино с запахом винограда и пряных трав наконец полилось неудержимой рекой, словно кто-то взорвал плотину, сдерживавшую бурную алкогольную реку, пьянящую и манящую многих ничуть не хуже только что исчезнувших прелестных фей.

– И все ж хороши были девки! – Воевода Онисим Раскоряка, крикнув, вытащил застрявшую в бороде рыбью кость. – Похоже, наши, ордынские... Что ты там мелешь, Арман? Да знаю я, что не наши, что подаренные... этим, как его... Юсупом, да.

Потом помянули павших, выпили за воинское счастье, опять за женщин... Выпили и снова налили, а потом юный нормандский рыцарь шевалье де Сен-Клер взял в руки лютню – и все принялись громко орать «Л'ом армэ» (L'Homme arme') – «Воинский человек». Сия канцона, очень похожая на незатейливые, но громкие песенки группы «Кисс», являлась в те времена чем-то вроде гимна европейского рыцарства.

– Ломме, ломме, лом армэ! – пристукивая кубками по столу, вдохновенно вопили собравшиеся, забыв и прекрасную арабскую музыку, и чувственных гурий. – Лом армэ, лом армэ!

От такой песенки содрогнулся бы и слон, за неимением которого приняли удар столы и посуда. Хорошо хоть стекла было мало, в основном серебро, золото – все-таки парадный ужин, пир в честь посланцев эмира Гранады.

Посланцы – смуглый седобородый муж в ослепительно белом тюрбане и с ним трое женоподобных юношей – к воинским песнопениям отнеслись, в общем, спокойно... как и до того – к гуриям. Ну, к гуриям-то они привыкли, а вот к «Л'ом армэ»...

Однако не критиковали, сидели спокойно, вина, как и положено мусульманам, не пили, а пили шербет да время от времени жевали какую-то бурую дрянь, отчего пришли в состояние полной нирваны и выглядели сейчас еще чище самых отъявленных пьяниц. У старика даже тюрбан сполз набок, да и вообще бы свалился на пол, кабы один из томных юношей не подхватил, не поправил.

Попев песни, стали плясать, приглашая дам из местного истеблишмента – всяких там высокопоставленных дочек, племянниц, жен, на фоне танцующих-гурий выглядевших, надо сказать, довольно-таки бледно. Впрочем, выпили уже немало. Все.

Гранадцы долго не сидели, видать, чувствам их все же тут было достаточно противно, тем более многие каталонцы на них посматривали, мягко говоря, без особой симпатии – все-таки мавры! А потому старик в чалме – умного человека видать сразу! – вовремя все просек, сослался на усталость и, откланявшись, удалился вместе со своей свитой. Ну и славно! Как говорится, баба с возу...

– Что, что ты там сказал про кобылу, мой любезный Ла Гир?

– Кобылу? А, вы имеете в виду коня, сир, – догадался Этьен де Виньоль. – Кони тут ни при чем, просто мой рыцарь, шевалье Арман де Сен-Клер, хотел с вами поговорить... да, видно, уже не сможет.

– Кто не сможет? Я? – нормандец приподнял уроненную на стол голову и, сделав видимое усилие, уселся, словно и не пил. – Просто хотел доложить. Ну, об инквизиции...

– Потом доложишь, – махнул рукой князь. – Хотя можно и сейчас. Отойдем вон к окошку. Кстати, я вам говорил, что очень скоро к нам придет подкрепление? Мои друзья, ватажники, из далекой Руси! Быть может, я вас даже на неделю покину – поеду навстречу... Так что, если что – не ищите.

– Поняли вас, сир, – сказал за всех Ла Гир, бывший сейчас самым трезвым. – Мне предупредить посты?

– Да, можешь.

В распахнутое окошко веяло прохладой сада. Все-таки хорошо, когда нет белых ночей, когда солнце вовремя заходит и земля успевает остыть – вот как сейчас... Как славно!

– Что, Арман, спустимся в сад? Там и доложишь.

– В сад так в сад, сир, – встрепенулся нормандец. – Как скажете.

Оба вышли во внутренний двор, полный запахом роз и яблонь, и уселись на низенькую скамью близ небольшого пруда, в темной воде которого отражались круглая полная луна и блестящие звезды.

– Так о чем ты хотел доложить, друг мой Арман?

– О ведьме. Вы ж сами сказали, сир...

Егор тряхнул головой:

– Ах да! Помню, помню... Так что там с ведьмой?

– Наверное, оправдают, – пожал плечами шевалье. – У брата Диего теперь новое дело – об оборотне!

– Ну да, оборотень... помню, помню. Этого еще не хватало для полного счастья.

– Вот-вот! Когда поедете к своим войскам, будьте очень осторожны, сир, – сверкнув синими, как бурное море, глазами, на полном серьезе предупредил юный рыцарь. – Я сам с вами поеду... если позволите. Хотя... – парень вдруг как-то обреченно махнул рукой. – С нечистой силой даже самый храбрый рыцарь не справится. Только молитва и еще... вот...

Шевалье де Сен-Клер запустил руку за пазуху и, сняв с шеи амулет, протянул князю:

– Это часть мощей из монастыря с горы Святого Михаила. Прошу вас, сир, принять.

Приглушенный голос молодого нормандца звучал сейчас настолько взволнованно, что собравшийся было пошутить Вожников оставил всякую мысль о насмешке. Просто молча обнял рыцаря да надел амулет. Крепкая бечевка, небольшой ковчежец из дерева. Не драгоценность, но, видать, памятная вещь... к тому ж – от чистого сердца. Не нужно обижать парня.

– А ты как же?

– У меня же есть кольчуга, освященная в Сен-Дени! – просиял глазами молодой рыцарь. – Против такой и сам дьявол не страшен. Правда, она вряд ли придется вам впору, сир.

– Думаю, достаточно будет и амулета. Спасибо за заботу, Арман. Кстати, как тебе мой французский?

– Уже можно кое-что понять, сир! Если очень постараться... и не обращать внимания на акцент.

– Гм... – Князь закашлялся и заговорил о том, ради чего, собственно, они и явились сюда, в этот благоухающий чудесными ароматами сад: – А как узнали про оборотня?

– Нет-нет, не поймали еще, сир!

– Я спрашиваю, как узнали. Знать, понимаешь? Я знаю, ты знаешь, он знает...

Махнув рукой, князь подозвал слугу и велел привести толмача, все ж интересно стало – как там с оборотнем?

Как оказалось, брат Диего рассуждал вполне здраво: какой волк будет драть коз и людей почем зря? Хищник всегда терзает свою жертву ради того, чтобы хорошо покушать, всякие рода садистские устремления волкам совершенно чужды, тем более серые вряд ли бросили б задранных козочек, даже если б их кто-то сильно спугнул. Кроме того, опытный инквизитор обратил внимание на одну небольшую деталь – скорлупу тыквенных семечек, которые, к примеру, умерщвленная пастушка Анна-Мария, по словам своих подружек, терпеть не могла. Значит, кто-то был еще – человек... или и в самом деле оборотень?

– В оборотней брат Диего тоже не очень-то верит, – вспомнив, сказал Арман. – Как и в ведьм. Но ведьмы-то есть, это вам всякий скажет. Вот так же и оборотни. Местные уже все в панике, в лес третий день никто не идет. Да! А домик той ведьмы, которая вовсе не ведьма, а простая знахарка, Аманда, спалили.

– Это кому же, интересно, понадобилось? – удивился князь. – Впрочем, подозреваю – кому. Жаль. Однако все равно бедолаге в деревне жизни бы не было. Слишком красивая для сироты, к тому же – знахарка. Зуб даю, через месяц-другой на нее снова доносы пойдут.

– Вот и брат Диего посоветовал этой девчонке в монастырь на гору Монтсеррат податься, в послушницы. Обещал похлопотать.

– Думаешь, пойдет?

– Аманда? А куда ей деться-то?

* * *

К полуночи гости разъехались, и Егор уже отходил ко сну, как вдруг почувствовал в опочивальне некое шевеление, словно кто-то стоял у двери, за шторой, подглядывал... или только что вошел, тихонечко, аккуратно. Соглядатай? Подосланный кастильцами убийца? Князь потянулся к кинжалу и тут же расслабленно улыбнулся – а ведь не нужен кинжал, совсем не нужен!

Во-первых, обретенное молодым человеком волшебное чувство, способность предвидеть опасность, молчало, а во-вторых, он же, Егор, боксер все-таки, кандидат в мастера спорта, а зачем боксеру кинжал, когда у него и так способности, сравнимые с пистолетом в рукаве? Вот сейчас дернется штора, скользнет в спальню неведомый тать – и тут же получит хор-роший апперкот в челюсть!

Вожников аж глаза закрыл, представив, как все это будет выглядеть: ему почему-то мерещилась закутанная с ног до головы в черное трико фигура, этакий самоуверенный ниндзя – вот он подкрадывается, затаив дыхание, выхватывает нож и – апперкот! Или хук, все равно. Нет, апперкот все же снизу удобнее. Бац – в челюсть, и все... поплыл... А ножичек, острый, сверкающий в свете полной луны, со звоном упадет на пол.

Кстати, Егор осторожно повернул голову, а чего это луна-то так нагло сияет? Слуги что, забыли затворить ставни? Ну, так и есть, забыли... А может, не забыли, может, это все специально – убийце не очень-то сподручно делать свое подлое дело в полной тьме. На ощупь убивать будет? Не-ет, шалишь. Ну, иди же сюда, мой хороший, иди!

Снова дернулась штора, князь нарочито громко задышал, услышав тихие шаги... и – неожиданно – голос, показавшийся громким, словно трубный зов, хотя говоривший вовсе не собирался шуметь. Говорившая...

Да-да, судя по голосу и фигуре, это была женщина, и говорила она по-татарски, что Вожников далеко не сразу понял, а когда понял, то удивился – откуда здесь взялась женщина из Орды?

– Господин, я не причиню тебе зла...

Еще б ты причинила... Замучилась бы причинять!

Спокойно разжав кулак, молодой человек уселся на ложе и молча ждал продолжения. Раз уж эта странная дева явилась, так сейчас расскажет – зачем.

– Я просто дала обет – танцевать для тебя, мой князь.

– Так ты ведь уже танцевала совсем недавно, – присмотревшись, Вожников наконец узнал гостью – стройная фигурка, шелковые шальвары, расшитый тускло блестящим жемчугом лиф, поблескивающий в пупке драгоценный камень – гурия! Одна из тех, что ублажали танцами нынче вечером, на пиру. Подарок Бурухтана... тьфу! Какого Бурухтана – Юсуфа! Юсуфа ибн Юсуфа. Эмира Гранады. Подарок.

– То был не тот танец, – сверкнула глазищами дева. – Он был для всех.

– Понятно, значит, этот будет приватным...

Князь хотел было пошутить еще, поговорить, расспросить девушку о многом, но... не смог промолвить и слова! Гурия просто подошла к нему, села на край ложа и, вытянув руки, принялась что-то шептать... что-то такое, от чего вначале отнялся язык, а потом – и воля...

Прямо в голове Егора вдруг заиграла нежная мелодия, хотя никаких музыкантов в опочивальне не было, а была лишь одна дева – чувственно-волшебная полунагая красавица – фея из детских грез.

– Сиди, – тряхнув черными, с медным отливом, локонами, сказала-приказала дева и, грациозно соскользнув с ложа, вдруг принялась танцевать. Как и обещала...

О, это был вовсе не тот танец, что плясали гурии на пиру, совсем другой – совсем по-животному чувственный, зовущий, пьянящий разум!

В ушах грохнули барабаны, отрывисто всплакнула свирель, и, до того нежная, мелодия вдруг понеслась галопом, и ночная фея задергалась в такт, словно хватившая для храбрости стакан водки восьмиклассница на дискотеке. Впрочем, князю это отнюдь не казалось пошлым, наоборот!

Вот гурия подпрыгнула, а вот – приникла к полу, словно выслеживающая добычу тигрица, совсем по-кошачьи выгнула блестящую от выступившего пота спину, томно взглянула на Вожникова и, закусив губу, сорвала с себя лиф, обнажив восхитительную упругую грудь...

Обнажила, вскочила, отпрыгнула, повернулась, подняв вверх руки, и, покачивая бедрами, сняла с себя шальвары, бесстыдно бросив их князю:

– Лови!

Как сверкали глаза ее! Как извивалась стройное, зовущее к любви тело! Столь похотливых движений Вожников не видел даже в детстве, в немецких порнофильмах обо всяких там садовниках, чистильщиках бассейнов и прочих. Но, опять же, это почему-то не казалось сейчас пошлым, словно так и должно было быть, словно кто-то давно и по-хозяйски решил за этих двоих все! Распорядился... и этому распоряжению невозможно было противиться. Никак. Никогда. Да, честно говоря, не очень-то противиться и хотелось.

Хотелось иного – с головой погрузиться в негу, нырнуть так, чтоб забыть обо всем, чтобы видеть перед собой только эти большие, сияющие колдовским блеском глаза, обнимать, чувствовать ласкающий жар прекрасного тела...

Гурия хотела того же – это ясно читалось во всем. Вот танцовщица замерла, с вызовом поглядев на князя, затем облизнула губы и, застонав, уселась к Егору на колени, уперлась твердеющими сосками в грудь.

Позабыв обо всем, молодой человек со всей нежностью и страстью принялся ласкать упругую грудь, целовать призывно открытые, блестящие розовым жемчугом губы... а теперь погладить плечи, спинку, обнять, крепко прижать к себе, с каким-то щемящим восторгом ощутив всю трепетную упругость несказанно желанной девы! И... и дальше не отказывать себе ни в чем... Зачем? К чему? Когда двое, мужчина и женщина, хотят наслаждаться друг другом, что же и кто же осмелится им противостоять?

Качался шелковый полог ложа, в распахнутое окно с любопытством заглядывала луна, где-то во дворе негромко пели цикады.

Словно в бездонном омуте, Егор тонул в темных глазах прекраснейшей девы, волшебной танцовщицы, гурии из детских снов. Оба погрузились в нирвану, и не осталось уже ничего, что могло бы вытащить их из сладкой неги. Случайные – или все же нет? – любовники не уставали наслаждаться друг другом, так, будто для каждого из них эта встреча была последней.

Стройные бедра... томная линия позвоночника, маленькие нежные косточки, прощупывающиеся под шелковой кожей... горячее дыхание... губы... целовать их, целовать! Упругая грудь...

Погрузившись с головой в волшебное действо, князь уже не помнил, кто он и кто эта юная гурия, да это было абсолютно неважно сейчас... лишь бы видеть эти глаза, ласкать это тело, наслаждаясь так, как, казалось, еще ни разу не наслаждался...

И все это было похоже на сон... Словно во сне, Егор видел, как в опочивальню вбежали еще три обнаженные девы, в три раза увеличив количество ласк... а потом все сделалось

каким-то эфемерным, зыбким... но из этого зыбкого тумана так не хотелось уходить. Хотелось остаться здесь навсегда, раствориться, расплыться, как расплывается в лучах весеннего солнца черный, оставшийся от суровой зимы сугроб, стекая грязными ручьями в бурную, недавно освободившуюся ото льда реку.

Князь упал в этот томно-тягучий туман, средоточие волшебной неги и страсти, растворился, провалился... пропал... Остались только нежные женские руки, объятия и стоны, сияющие колдовским наслаждением глаза... и музыка – она так и звучала в мозгу.

– Хей-хей, хей на-на...

Кто-то пел. И голос был явно мужской. Молодой человек прислушался, недоумевая – откуда здесь мог взяться мужчина? И куда делись гурии? И вообще, где он сам?

Дернувшись, князь ударился головой о низкий дощатый потолок и, наконец-то вынырнув из сладкого сна, изумленно осмотрелся вокруг.

Что и говорить, было от чего прийти в изумление! Окружающая Вожникова обстановка ничем не напоминала шикарный особняк в Матаро – опочивальня каким-то неведомым образом вдруг превратилась в узкую, словно пенал, каморку с маленьким – в три ладони – окном, сквозь которое бил прямо в левый глаз столь же узенький, с танцующими золотыми пылинками, лучик.

Дощатые стены, дощатый пол, какой-то сундук вместо ложа... Черт побери! И стены, и пол, и сундук – качались. Вот ведь напился вчера! Как говорится, дорога встала дыбом и бросилась в лицо... Впрочем, нет – и в самом деле все качалось. Егор это чувствовал.

И еще кое-что почувствовал – цепи! На ногах цепи! Аккуратно скованные, тяжелые, дававшие возможность передвигаться лишь маленькими шажками. Не убежишь! Вот ведь сволочи!

Нервно поднявшись на ноги, молодой человек снова стукнулся головой о потолок и, выругавшись, заглянул в оконце...

Море!!!

За окошком плескалось море!

И сам-то князь, оказывается, находился на корабле... Только вот как он тут оказался, почему-то никак не мог вспомнить. Хотя... а чего вспоминать-то? Выйти да и спросить!

Егор дернулся в дверь – не тут-то было! Заперто! Ах вот в чем дело... А где же вчерашние гурии? А черт знает где, ваше дурацкое величество, король и император глупцов! И вовсе неважно, где сейчас гурии, куда важнее – где ты сам.

– Эй! – князь забарабанил в дверь кулаками. – Отворяйте!

Снаружи слышались чьи-то шаги и гортанные голоса, однако дверь так и не открыли, хотя Вожников старался – орал, ругался, стучал. Тщетно!

Не желая быть больше посмешищем, молодой человек, звякнув цепями, уселся на длинный сундук и задумался. Как он сюда попал, было, увы, яснее ясного – гурии! Бабы да выпивка до добра не доведут – вот уж сбылась пословица. Почему же не было никаких предупреждающих видений? А по двум причинам: либо вчера слишком уж много выпил, либо... либо ночная девица – ведьма! А ведь очень может быть, кстати. Опоили, околдовали... Егор прищурил глаза – сам ведь он на это колдовство и повелся, полетел словно мотылек на огонь, а ведь мог бы насторожиться, увидев в собственной опочивальне каким-то образом пробравшуюся мимо неусыпной стражи девку! Не насторожился. Девичьи чары оказались сильнее... Кто бы сомневался! Достаточно оказалось просто поманить, приласкать – вот уже и попался.

Встав, Вожников приподнял крышку сундука – пустой! – и покачал головой: однако черт с ними, с гуриями, оплакивать вчерашний лень – пустое дело, надо думать, как теперь быть, как выбираться. И еще интересно – кому все это нужно? Кто за гуриями стоит? Эмир Бурух... Юсуф ибн Юсуф? По всему так и выходит, девки-то – его подарок. Но с другой стороны – а зачем гранадскому правителю пленять великого князя, прекрасно зная, что проблем потом не

оберешься? У эмира и без этого заморочек хватает – с теми же кастильцами, с Арагоном... Ему бы, наоборот, с великим императором задружиться, а не выкрадывать. Нет, вряд для это Гранада. Но ведь девки-то, танцовщицы... Так ведь тот, кому все это надо, запросто может и фальшивое посольство послать – мало ли в той же Кастилии морисков – крещеных мавров. Фальшивое посольство, да... или фальшивые гурии. Впрочем, что сейчас гадать – первым делом здесь что-то решать надо. Не выпускают. Держат в узниках. Значит – выбраться поскорее, наверняка в Матаро хватились уже, поиски организовали, погоню...

– Ах ты, черт!

Князь хлопнул себя по лбу. А ведь не будет никаких поисков и погони, он же сам всем сказал, что собирается ненадолго отъехать навстречу ватажникам, идущему на подкрепление войску... так что, покуда те не явятся – а это недели две запросто может пройти...

И главное, ведь не заподозрит никто ничего такого, знают – князь на подъем скор, да и вообще – мог с малой охраной уехать, прихватив с собой человек пять. Пока разберутся, кого именно, если вообще станут разбираться. Да нет – станут. Воевода Онисим Раскоряка человек умный, дотошный. Обязательно проведет проверку, дознается, что не поехал с пропавшим князем никто, а это уже не две недели, а, учитывая количество народа, дней пять максимум. Но все равно – время. Может, пять дней похитителям вполне для своих гнусных целей хватит.

Ах, черт, зря вчера напился! Хотя чувствовал себя не таким уж пьяным, да все равно – знал ведь, что способность предвидеть от алкоголя на какое-то время утрачивается, и вообще-то старался сильно не пить, не наступать на одних и тех же грабли – случалось уже, бывало. А вот вчера – расслабился... Ну так и что с того? Среди своих, в безопасности – почему б и нет-то? Тем более никаких военных действий на ближайшие дни не планировал, да и вино – не водка, выпался бы, всяко протрезвел к обеду. Не-ет, скорее, все-таки гурия – ведьма! Недаром глаза у нее такие... бездонные. И все ж хороша, хороша, этого не отнимешь.

Ладно. Хватит гадать – действовать надо, и чем быстрее – тем лучше. Цепи эти еще. Кандалы. Даже если бросишься в море, нырнешь – и уже больше не вынырнешь. Вожников снова стукнул в дверь, так, для куража больше, покричал на нескольких языках, чтоб немедленно выпустили, поругался и, подобрав цепи, снова уселся на сундук.

Цепи! В первую очередь нужно было справиться с ними, а уж потом... потом можно и в море. Выведут ведь его когда-нибудь на палубу – справить житейские дела, да и хоть какую-то еду принести должны бы.

А сквозь оконце не проскользнешь – плечи не пролезут. Был бы мальчишкой, тогда, конечно, другое дело, а так... нечего и пытаться. Цепь! От нее бы избавиться, да вот только как? Кандалы пригнаны ловко – не снимешь, только расковать или хотя бы перекусить пополам, черт с ними, пусть браслеты останутся... а ну-ка...

Молодой человек нагнулся и, напрягая все свои силы, так, что на лбу и на руках вздулись – вот-вот лопнут – жилы, попытался разорвать цепь руками. Рванул! Потом еще раз, еще... и – уже от злости – еще-еще-еще! Напрасные хлопоты. Сковали на совесть.

Князь выругался и разъяренно пнул дверь:

– Эй, воды-то хоть кто-нибудь принесет?

Никакого ответа, лишь плеск волн, да слышно стало, как хлопнул на ветру парус, и почувствовалось, как корабль резко сменил курс. Что-то случилось? Погоня? Нет, вроде бы так дальше спокойно и плыли, или, говоря по-морскому, шли.

Лишь ближе к вечеру, когда мучившая князя жажда стала совсем уж невыносимой, послышался скрип засова. Низенькая, но крепкая, сколоченная из толстых буковых досок дверь отворилась, и в каморку вошли трое – двое дюжих смуглых парней в куцых бумазейных штанах и высокий, похожий на цыгана мужчина лет тридцати пяти, с длинной курчавой бородкой и золотыми серьгами в ушах. Судя по серьгам, одежде – белой просторной накидке-дже-

лаббе – и торчащим из-под нее парчовым, с золотым шитьем туфлям, это явно был не простой моряк. Хозяин судна, капитан, шкипер – кто-то из тех, кто имеет право принимать решения.

И все трое – мавры или берберы, тут и думать нечего. Правда, их главный – все же вылитый цыган.

С усмешкой поглядев на Вожникова, «цыган» что-то громко произнес, указывая рукой на принесенные матросами кувшин и корзину с какой-то снедью. Егор, конечно же, ничего не понял, и «шкипер» произнес все по-кастильски, а затем – по-каталонски. Оба языка, сильно схожие с латынью, Егор худо-бедно понимал, так, с середины на половинку, если говорили медленно и четко, а каталонский к тому же еще и начал учить специально.

– Ешьте, – князь наконец разобрал знакомое слово. – Потом мы вас выведем на палубу, но не вздумайте кого-нибудь ударить – будете наказаны плетьюми, а наш палач бить умеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.